

БЕСКОМПРОМИС
СНОЕ ОРУЖИЕ

Ник ПЕРУМОВ
Полина КАМИНСКАЯ

ОДИН НА ОДИН

ПОХИТИТЕЛИ ДУШ

Полина Каминская
Ник Перумов
Один на один
Серия «Похитители душ», книга 2

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119766

Похитители душ: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-28001-8

Аннотация

В петербургском метро стали происходить страшные и необъяснимые вещи. Сначала впавший в транс ветеран принимает приближающийся поезд за фашистский танк. Затем в больнице с одинаковым диагнозом оказываются «утонувшие» в вагоне поезда два брата-близнеца. Рехнувшийся чернобылец-ликвидатор, на глазах которого зашкалил дозиметр в руках сидящего рядом пассажира, – новое, но не последнее звено в зловещей цепи, ведущей в ад, который уготовили человечеству загадочные «похитители душ».

Содержание

Пролог	10
Часть I	16
Глава первая	16
Глава вторая	33
Глава третья	49
Глава четвертая	62
Глава пятая	84
Глава шестая	115
Конец ознакомительного фрагмента.	128

– КАК ОНИ СУЩЕСТВУЮТ В СВОЕМ БЕСТОЛКОВОМ МИРЕ? И ЧТО ЗА СТРАННЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СОБЫТИЯМИ?

– ОНИ НАЗЫВАЮТ ЭТО «ВРЕМЕНЕМ». И УМУДРЯЮТСЯ ДЕЛИТЬ СКОРОТЕЧНЫЙ ХАОС СВОЕЙ ЖИЗНИ НА ПРОМЕЖУТКИ. КРОМЕ ТОГО, ОНИ ОБЩАЮТСЯ ДРУГ С ДРУГОМ С ПОМОЩЬЮ ЗВУКОВЫХ КОЛЕБАНИЙ.

– ГРИМАСА ПРИРОДЫ, НИЧЕГО БОЛЬШЕ... ЗАЧЕМ ЭТО НАМ?

– ОДИН ИЗ ВИДОВ ЭТИХ ПРИМИТИВНЫХ ТВАРЕЙ – ОНИ НАЗЫВАЮТ СЕБЯ «ЛЮДИ» – ОБЛАДАЕТ УНИКАЛЬНОЙ СУБСТАНЦИЕЙ. НИКАКИХ АНАЛОГОВ ЭТОМУ НЕТ ВО ВСЕЙ ОБОЗРИМОЙ ВСЕЛЕННОЙ.

– И ЧЕМ ЖЕ ИНТЕРЕСНА ЭТА СУБСТАНЦИЯ?

– МЫ НЕ МОЖЕМ ДАТЬ ТОЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТОМУ ФЕНОМЕНУ. ПОХОЖЕ НА ТО, ЧТО КАЖДЫЙ ТАКОЙ ОБЪЕКТ ЯВЛЯЕТСЯ, ПО СУТИ, НАДПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДЫРОЙ, ЧЕРЕЗ КОТОРУЮ МОЖНО ВЫВЕРНУТЬ НАШУ ВСЕЛЕННУЮ НАИЗНАНКУ...

– ЧТО ЗНАЧИТ – «КАЖДЫЙ ТАКОЙ ОБЪЕКТ»? ИХ ЧТО – НЕСКОЛЬКО?

– ЭТО ЗВУЧИТ НЕПРАВДОПОДОБНО, НО ЛЮБОЕ СУЩЕСТВО, ОТНОСЯЩЕЕСЯ К ВИДУ «ЧЕЛОВЕК», ЯВЛЯЕТСЯ НОСИТЕЛЕМ ЭТОЙ СУБСТАНЦИИ. И БОЛЕЕ

ТОГО, ЭТИ ЖАЛКИЕ КОМКИ ОРГАНИЧЕСКОЙ СЛИЗИ
ЗНАЮТ ОБ ЭТОМ!

– О ЧЕМ?

– О ТОМ, ЧТО ИХ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОБОЛОЧКЕ
ПРОТИВОПОСТАВЛЕНА НЕМАТЕРИАЛЬНАЯ.

– НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! ДЛЯ ЭТОГО НУЖНО ИМЕТЬ
РАЗВИТОЕ СОЗНАНИЕ! ОТКУДА В ЭТОЙ ГАЛАКТИЧЕ-
СКОЙ ДЫРЕ РАЗУМ?

– УВЫ. НЕОБЪЯСНИМО, НО ФАКТ. ТРУДНО ПРИ-
ДУМАТЬ БОЛЕЕ НЕСОВЕРШЕННЫХ СУЩЕСТВ, ЧЕМ
ЭТИ ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ «ЛЮДИ». ДАЛЕКО НЕ ВСЕ
ОНИ ВЕРЯТ В СУЩЕСТВОВАНИЕ ДУШИ. ИСТОРИЧЕ-
СКИ СЛОЖИЛОСЬ, ЧТО НА ОСНОВЕ ПРАВИЛЬНОГО
ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О ЕЕ НАЛИЧИИ ЛЮДИ СДЕЛАЛИ
СОВЕРШЕННО НЕВЕРНЫЕ ВЫВОДЫ. ЭТО ПОЛОЖИ-
ЛО НАЧАЛО УДИВИТЕЛЬНОЙ ПО СВОЕЙ НЕЛЕПО-
СТИ И НЕЛОГИЧНОСТИ ВЕРСИИ. ОНИ ПОЛАГАЮТ,
ЧТО НАД НИМИ СУЩЕСТВУЕТ ВЫСШЕЕ И МУДРЕЙ-
ШЕЕ СУЩЕСТВО, РУКОВОДЯЩЕЕ ИХ ПОСТУПКАМИ.

– ОНИ ЗНАЮТ О НАС?

– НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ. СЛУЧАЙНОЕ СОВПАДЕНИЕ.
О НАС ОНИ НИЧЕГО НЕ МОГУТ ЗНАТЬ. ИХ ПРИМИ-
ТИВНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ НЕ В СИЛАХ
ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ СТОЛЬ СОВЕРШЕННЫЙ РАЗУМ,
КАК МЫ. ПРИ ЭТОМ ЛЮДИ ПЫТАЮТСЯ НАСЕЛИТЬ
СВОЙ МИР АБСОЛЮТНО НЕРЕАЛЬНЫМИ ОБЪЕКТА-

МИ, ВЫЗВАННЫМИ ИГРОЙ ИХ ВООБРАЖЕНИЯ...

– ИГРОЙ ЧЕГО?

– ПРОСТИТЕ, КОЛЛЕГА, Я ОБЛАДАЮ БОЛЬШЕЙ ИНФОРМАЦИЕЙ ОБ ЭТОЙ ПЛАНЕТЕ, ПОЭТОМУ ИНОГДА ИСПОЛЬЗУЮ НЕПРИВЫЧНЫЕ ТЕРМИНЫ. ДЕЛО В ТОМ, ЧТО ЛЮДИ УМЕЮТ «ВЫДУМЫВАТЬ».

– ПОЯСНИТЕ, КОЛЛЕГА, МНЕ НЕПОНЯТЕН И ЭТОТ ТЕРМИН.

– КОНЕЧНО, НЕПОНЯТЕН. ВЕДЬ ИМЕННО ТАК НАЗЫВАЕТСЯ СОВЕРШЕННО НЕПРОДУКТИВНЫЙ ПРОЦЕСС СОВМЕСТНОЙ РАБОТЫ ИХ РАЗУМА И «ДУШИ». ДЛЯ НАС, ТЕХ, КТО МГНОВЕННО ПОСТИГАЕТ СУЩНОСТЬ ЛЮБОГО ЯВЛЕНИЯ, ЭТО НЕПОСТИЖИМО: ВМЕСТО ТОГО, ЧТОБЫ ПОЗНАВАТЬ МИР ТАКИМ, КАК ОН ЕСТЬ, ЭТИ БЕСТОЛКОВЫЕ СОЗДАНИЯ НАГРОМОЖДАЮТ МНОЖЕСТВО ВАРИАНТОВ, СТОЛЬ ЖЕ ДАЛЕКИХ ОТ ИСТИНЫ, КАК И ИХ КАРЛИКОВАЯ ЗВЕЗДА ОТ ЦЕНТРА ГАЛАКТИКИ.

– Я ПОПРОСИЛ БЫ ВАС НЕ УВЛЕКАТЬСЯ НЕСУЩЕСТВЕННЫМИ ПОДРОБНОСТЯМИ. КОНКРЕТНО: ЧЕМ НАМ МОЖЕТ БЫТЬ ИНТЕРЕСНА ЭТА СУБСТАНЦИЯ, НАЗЫВАЕМАЯ «ДУШОЙ», И КАК МЫ МОЖЕМ ЕЕ ПОЛУЧИТЬ?

– ОБОСНОВАНИЕ УЖЕ ПОДГОТОВЛЕНО И ПРЕДСТАВЛЕНО ГЛОБАЛЬНОМУ КООРДИНАТОРУ. ТАМ ЖЕ ВЫ СМОЖЕТЕ ОЗНАКОМИТЬСЯ С ОПИСАНИЕМ

ПЕРВОЙ, К СОЖАЛЕНИЮ, НЕУДАЧНОЙ ПОПЫТКИ КОНТАКТА.

– ВЫ ИМЕЛИ КОНТАКТ С ЭТИМИ СУЩЕСТВАМИ?

– ДА. СРЕДИ ЛЮДЕЙ, НЕСМОТРЯ НА ДОВОЛЬНО НИЗКИЙ ОБЩИЙ УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ, ИНОГДА ВСТРЕЧАЮТСЯ ИНДИВИДУУМЫ, СПОСОБНЫЕ НА УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРОЗРЕНИЯ. ПРЕДСТАВЬТЕ МОЕ УДИВЛЕНИЕ...

– КОЛЛЕГА, Я ВИЖУ, НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ЭТОЙ ПЛАНЕТОЙ ПОШЛО ВАМ ВО ВРЕД: ВЫ ВЫРАЖАЕТЕСЬ КРАЙНЕ БЕССВЯЗНО И ОТВЛЕЧЕННО. ВАША ПОСЛЕДНЯЯ ФРАЗА АБСОЛЮТНО НЕ ИМЕЕТ СМЫСЛА. СЛЕДИТЕ ЗА СОБОЙ.

– ВЫ ПРАВЫ. Я ПОСТАРАЮСЬ НЕ ОТВЛЕКАТЬСЯ. НАМИ БЫЛ ОБНАРУЖЕН ВНЕПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КАНАЛ ПЕРЕДАЧИ ДУШ.

– ЕСТЕСТВЕННЫЙ?

– НЕТ. ИСКУССТВЕННЫЙ. СОЗДАТЕЛЬ ЭТОГО КАНАЛА И САМ НЕ ПОДОЗРЕВАЛ ОБ ИСТИННОМ НАЗНАЧЕНИИ ПРИБОРА И ИСПОЛЬЗОВАЛ ЕГО ДЛЯ КОРРЕКЦИИ ОРГАНИЧЕСКИХ ПОРАЖЕНИЙ ДРУГИХ ИНДИВИДУУМОВ. Я ПОВТОРЯЮСЬ, НО ЭТОТ ХАОТИЧНЫЙ МИР ПОЛОН СЛУЧАЙНОСТЕЙ. В РЕЗУЛЬТАТЕ ОДНОЙ ИЗ НИХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ВНЕПРОСТРАНСТВЕННОГО КАНАЛА СОВПАЛО С ОЧЕНЬ ВЫСОКОЙ КОНЦЕНТРАЦИЕЙ ПОДГОТОВЛЕННЫХ ДЛЯ

ПЕРЕХОДА ДУШ. САМОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ... ПРОСТИТЕ, Я ОПЯТЬ ИСПОЛЬЗУЮ НЕРАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕРМИН... ЧТО ЭТИМ КАНАЛОМ ПОЛЬЗОВАЛИСЬ.

– КТО?

– ЛЮДИ.

– ВЫ ТОЛЬКО ЧТО ГОВОРИЛИ ОБ ЭТИХ СУЩЕСТВАХ, КАК О КОМКАХ ОРГАНИЧЕСКОЙ СЛИЗИ. КАК МОГЛИ ОНИ СОВЕРШАТЬ НАДПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ? ЭТО НЕ ПОКАЗАЛОСЬ ВАМ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫМ?

– НЕТ. В СИЛУ СОБСТВЕННОЙ ОГРАНИЧЕННОСТИ ЛЮДИ НЕ МОГУТ ОБЪЕКТИВНО ОЦЕНИВАТЬ СВОИ ДЕЙСТВИЯ. ДЛЯ НИХ ЭТО БЫЛО СВОЕОБРАЗНЫМ СПОСОБОМ ПОЛУЧЕНИЯ УДОВОЛЬСТВИЯ, НЕ БОЛЕЕ.

– ТОГДА ПОЧЕМУ ВАШ КОНТАКТ ОКАЗАЛСЯ НЕУДАЧНЫМ? ПОЧЕМУ МЫ ЕЩЕ НЕ ИМЕЕМ ЭТОГО ВНЕПРОСТРАНСТВЕННОГО КАНАЛА?

– В ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ МЫ НЕОЖИДАННО ПОЛУЧИЛИ МОЩНЫЙ ОТПОР СО СТОРОНЫ ЧЕЛОВЕКА И ПОТЕРЯЛИ КАНАЛ.

– ПОЧЕМУ ВЫ НЕ УНИЧТОЖИЛИ ЭТУ ПОМЕХУ?

– ЭТО ОЗНАЧАЛО БЫ НАРУШЕНИЕ КОДЕКСА НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА.

– СУДЯ ПО ВАШИМ ДЕЙСТВИЯМ, ВЫ НЕОДНОКРАТНО НАРУШАЛИ ЭТОТ КОДЕКС И РАНЬШЕ. К ТО-

МУ ЖЕ ВЫ ПРЕКРАСНО ОСВЕДОМЛЕНЫ, ЧТО СУЩЕСТВА, НАСЕЛЯЮЩИЕ ЭТУ ПЛАНЕТУ, НЕ МОГУТ ПОДПАДАТЬ ПОД ДЕЙСТВИЕ КОДЕКСА!

– ВЫНУЖДЕН ПРИЗНАТЬ СВОЮ ВИНУ. СКОРЕЕ ВСЕГО МЫ ПРОСТО НЕДООЦЕНИЛИ ЭТИХ СУЩЕСТВ. К ТОМУ ЖЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ БЫЛО ТАКИМ НЕОЖИДАННО СИЛЬНЫМ...

– ОПРАВДАНИЯ МОЖЕТЕ ОСТАВИТЬ СЕБЕ. Я ИМЕЮ ИНФОРМАЦИЮ О ТОМ, ЧТО ГЛОБАЛЬНЫЙ КООРДИНАТОР УЖЕ ОЗНАКОМЛЕН С ВАШИМ ОБОСНОВАНИЕМ И НАСТАИВАЕТ, ЧТОБЫ КАНАЛ БЫЛ ВОССТАНОВЛЕН. ЕСЛИ ВАМ ЭТО НЕ УДАСТСЯ, В ХОД БУДУТ ПУЩЕНЫ ДРУГИЕ СИЛЫ. ВЫ РЕАЛЬНО ОЦЕНИВАЕТЕ СВОИ ВОЗМОЖНОСТИ?

– ДА.

– ПРИСТУПАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО.

Пролог

Ну, а что еще можно делать в рейсе? Вышивать «крестом»? Учиться играть на балалайке? Совершенствовать свой «нулевой» английский? Ну-ну, флаг вам в руки.

Саша сидел на койке и пытался во всех подробностях представить себе тарелку горячего украинского борща с пампушками. Не самое, кстати, удачное занятие для человека, только что отстоявшего вахту в машинном отделении.

Первый месяц в рейсе здорово напоминал Саше театр абсурда. Знаете, что это такое? Берется, например, описание Цусимского сражения и водевиль «Лев Гурыч Синичкин». Тщательно перемешивается, разрезается на куски и раздается команде. Реплики подаются когда угодно и кем попало. Место действия – заброшенный склад металлолома, который по-рассеянности все называют теплоходом. Прибавим к этому звучное имя типа «Академик Забайкал-Кобылин», средней силы шторм на Атлантике и полное отсутствие благодарных зрителей. А вот что такое четвертый механик на подобной посудине, поймет далеко не каждый. Для любопытных поясним: только благодаря Саше Самойлову пожилой «Академик» мог двигаться как единое целое. В тот же первый месяц на все Сашины претензии к двигателям «дед» (то есть старший механик), меланхолично пожимая плечами, тянул: – А куда ж ты раньше смотрел?

И Саша уходил в машинное отделение, чувствуя себя деревенским лохом, которому ловкий папаша всучил в жены девицу легкого поведения.

В общем, не до раздумий было Саше Самойлову в рейсе, не до воспоминаний. Где-то в глубине души свербила привычная, обязательная для любого моряка тоска по дому. Хотя, чего себе-то врать, по какому дому? По надоевшей до зубовного скрежета койке в провонявшей всеми пороками человечества общаге? Или, может быть, по крикливой своей мамаше скучал он, болтаясь между Европой и Америкой? Кто разберет...

Потом была нереально солнечная Куба, нищета, смуглые, удивительно гладкие тела, пляжи, и пальмы, и пиво, и женщины, женщины, женщины, готовые прямо здесь, сейчас, за деньги, или за хороший обед, или просто за банку сгущенки...

И тут уж тем более было не до воспоминаний. Удобная штука – человеческий мозг. Казалось: после всего, что пережил Саша этой осенью в Питере, не просто «крыша», а «все верхние этажи» должны были съехать напрочь. Ан нет: серые мудрые клеточки закопошились, подсустились, запрятали в дальние углы грозящие сумасшествием образы. И команду дали: работай, мол, ни о чем не думай. И работал. Пахал как проклятый. А что еще делать, когда остаешься один на один с раздолбанным двигателем, у которого все отваливается и везде течет... А над тобой – сорок человек команды. И все

хотят идти в жаркие страны – денежку заработать, а заодно и текилы попить, кубинок-шоколадок потискать... А вот пойдём мы куда-нибудь на нашей хилой посудине или прямо здесь затонем – от тебя, браток, и зависит. Ну и что? А то, что не боги горшки обжигают. И пошли. И не потонули.

Все было вполне прилично. С едой, конечно, могло быть и получше. Именно поэтому навязчивый образ тарелки горячего борща преследовал Сашу почти постоянно. И к началу третьего месяца плавания этот образ настолько оформился, что, возвращаясь после вахты, Саша почти чувствовал в каюте аппетитный чесночный дух.

На этот раз предаться любимому занятию не пришлось. Без стука ворвался третий механик Славка и радостно сообщил:

– Семеныч подвинулся!

– Чего? – не понял Саша.

– Ну, в смысле – тронулся! – Славка употребил еще несколько слов, которые в сочетании с энергичным покручиванием пальцем у виска означали, что Семеныч сошел с ума.

Правда, сошел. Несколько человек, смущенно хихикая, толкались перед дверью в каюту старпома, откуда слышались возбужденные голоса. Матрос Бражников (он же – Семеныч, он же – Брага, он же – Дуремар) сидел, поджав под себя ноги, на старпомовской койке и громко доказывал:

– ... Не давал я ему разводного ключа! Хрен, говорю, тебе, а не разводной ключ! Самому нужен! А он, блин, рукой вот

так повел, – Семеныч попытался продемонстрировать широкий жест и чуть не свалился на пол, – я гляжу: вентиля-то и нет!

– Подожди, подожди, Бражников. – Старпом чувствовал себя неловко. С одной стороны, у него явно чесались руки дать матросу по шее и согнать с койки. А с другой стороны, Семеныч – вроде и не пьяный – нес такую околесицу, что было как-то не по себе. – Что за мужик к тебе приходил?

– Да я же и говорю: голый! Как есть голый, в желтом костюме! И брат его с ним! Инструмент пропал... Я все в докладной написал! – Бражников цапнул со стола измятый листок. Хорошо было видно, что бумага совершенно чистая.

В этот момент, растолкав любопытных, в каюте появился врач.

– Ну-с, – заправски начал он, – что случилось? – После чего дверь закрыли и бесплатный спектакль закончился.

Вот и все, пожалуй. Матроса Бражникова, ласково поддерживая под белы ручки, отправили на берег. Особо назойливых интересующихся доктор отшивал одной суровой фразой: «Пить надо меньше» и в подробности не вдавался. Конфуз с Дуремаром еще долго обсуждали на судне, а фраза про голого мужика в желтом костюме быстро стала крылатой.

Никто не знал, какое сильное впечатление произвело это событие на четвертого механика Сашу Самойлова. Да нет, никаких теплых чувств к обалдую Бражникову он не испы-

тывал. И ничего жуткого в этой истории не было: ну, сдвинулся человек, бывает. И пить действительно надо поменьше... Вот только... Эх, не надо об этом думать!

Но окончательно Сашу пробил совершенно незначительный эпизод.

Забрел он как-то случайно в кают-компанию. Мужики увлеченно смотрели по «видику» космическую эпопею. «Держись, Сэм, – без выражения переводил голос за кадром. – Они атакуют. Плазменная пушка вышла из строя».

– Жжарги, – громко сказал кто-то над ухом.

– Что?! – Саша заорал так, что все обернулись.

– Жарко, говорю, – мимо прошел боцман, вытирая платком лицо и шею. – Скоро вся команда взбесится.

Саша немедленно отправился к доктору и потребовал самого сильного успокаивающего, какое только есть.

Сергей Сергеевич внимательно посмотрел в глаза четвертому механику и молча накапал ему сорок капель корвалола. Саша обиженно выпил корвалол и побрел к «деду». Неплохой он мужик, наш доктор, но его тоже донимала жара и многочисленные случаи расстройства желудка у членов экипажа. Прояви он к Саше чуть более профессиональный интерес, неизвестно, как бы закончился для Самойлова этот рейс. Потому что он шел к Сергеичу с намерением поговорить по душам. И по сравнению с тем, что мог бы рассказать Саша, голые мужики, являвшиеся к матросу Бражникову, показались бы детскими игрушками.

У стармеха оказалась в заначке бутылка хорошей водки. Сашин порыв выложить все начистоту о своих приключениях уже угас. Поэтому просто посидели, поворчали, деликатно обложили капитана, почмокали о кубинских девушках, покряхтели о бывших женах (оба, как оказалось, разведены) и разошлись, довольные друг другом.

Но вот с тех самых пор не стало у Сани ни одной спокойной минуты. Особенно за работой: когда руки сами знают, что делают, а уши чутко улавливают малейший неправильный шум, в голову и лезут воспоминания.

Если начинать сначала... А где оно, это начало? Почему так шибануло слышавшееся нелепое слово «жжарги»? Или откуда у Саши шрамы на руке? Или как и отчего умерла его бабушка? Не такие уж странные и случайные вопросы, как могло бы показаться. А может, напрямик спросить: не знакомы ли вы с неким доктором Поплавским из петербургского Нейроцентра? А?

Легче всего, конечно, было бы махнуть рукой и покорно согласиться на версию о талантливом гипнотизере. Так, помнится, заканчивалась «Мастер и Маргарита»? Валерка, кстати, сразу сказал Мишке, когда тот рассказывал о катастрофе в метро: «гипноз». Ну и что, что свидетелей много? Подумаешь – милиция, протоколы... Мент – он тоже человек, его тоже загипнотизировать можно.

Ладно, валяй по порядку...

Часть I

Выборгские крысоловы

Глава первая

Миша

Понедельник. По-не-дель-ник. Словно ступеньки в гнилой подвал.

Миша с отвращением смотрел на только что убитую крысу. Жирная, с лоснящейся грязно-коричневой шкурой тварь, казалось, все еще зло смотрела на него мертвым черным глазом.

– Забирай, – отрывисто приказал он Толику, – и живо в лабораторию. Лед не забудь! – крикнул он уже в спину уходящему. – Еще стухнет по дороге...

Ни фига, ни фига не получится. Сколько раз уже тупо повторялась эта сцена? И уже заранее известно, как, вернувшись, Толя старательно, словно бесталанный провинциальный актер, снова пожмет плечами и скажет: «Ничего интересного». Миша с тоскливой злостью посмотрел на сигарету, которая назойливо торчала из пачки. Не хотелось курить, но пришлось хоть чем-то занять руки. Маленькая плоская зажигалка скользила в огрубевших грязных пальцах. Миша

швырнул ее в стену, длинно, невкусно выругался и крикнул куда-то в коридор:

– Витька, твою мать, просил же купить обыкновенных спичек!

– Чего-о? – тягуче переспросили оттуда.

– Это твоя бабская хреновина не зажигается!

– Не ори, – спокойно сказал входящий Витек, поднимая зажигалку. – Лишь бы на ком-нибудь зло сорвать. Ну, все горит. Чего психуешь? Семен уехал?

Миша кивнул. Первая же затяжка заволокла мозги ленивым туманом. Навалилась жуткая усталость.

– Ни фига не получается, – повторил он уже вслух.

– Ну и что? – Витек разогнал сизое табачное облако и сел. Неплохой Мишка мужик, строгий, правильный, сразу видно – мент бывший. Но все равно – человек оттуда, сверху. «Сверху» не в смысле – начальство, а просто с поверхности земли. Сам-то Виктор Гмыза уж восемь годков в метро отпахал. Пообтерся, притерпелся, перестал обращать внимание на тяжелый грохот поездов, сырость и тусклый свет. Что поделаешь, если праздничная иллюминация и полированный мрамор заканчиваются аккурат перед дверью подсобки. А этот вот страдает: на каждый шорох шугается, глаза щурит. То вдруг присесть надумает тыщу раз, а то ему воздуха мало. Чего мало? Вон, встань под трехметровый вентилятор и дыши сколько влезет. За крысами они тут вздумали охотиться. Дурь бесполезная... Не так уж их здесь и много. Ну да,

бывает, прошмыгнет мимо по своим делам хвостатая, ну и что? Это на свалке или в канализации они стаями гоняют. В старых домах, говорят, от них вообще житья нет. Серегина тетка даже как-то жаловалась, что у них на Моховой крысы из унитазов выскакивают. Бр-р-р.

Пыльная лампочка лениво освещала кусок коридора. Где-то капало. Сигарета быстро кончилась, оставив во рту кошачий привкус.

– Толика ждать не буду. – Миша поплелся в раздевалку. Его чистая белая рубашка висела на крючке, неуместная, как биде в дачном сортире. Покопался в сумке, задумчиво повертел в руках шуршащий пакет и гаркнул: – Эй, Грымза, тебе бутерброды оставить?

Вот еще новоприобретенная привычка: все время перекиваться, как в лесу.

– Не-е! – откликнулся Витек, помедлив. Видимо, соображал, обижаться ли ему на «Грымзу». – У меня котлеты домашние!

Между прочим, сам готовит, домовитый мужичок.

– Я пошел!

Дежурный сквозняк рванул дверь из рук и с треском хлопнул за спиной. Пожилой мужчина с рюкзаком равнодушно повернул голову и тут же снова уставился в пол. Еще примерно с десяток пассажиров сиротливо стояли на платформе.

Да-а, не узнать некогда шумную «Политехническую», не

узнать. И время-то – самое студенческое, вторая пара закончилась. В наше время это был пик активности: толпами народ валил. Кто-то, вдоволь выпавшись, – на третью пару, а кто-то и с нее – в город. Эх, даже вспоминать не хочется, душу травить. Было ведь когда-то блаженное бездумное время, когда все проблемы решались в пять минут. Сейчас же студенты, попивающие свежую «Балтику» на скамеечке парка, казались Мише существами нереальными. Хотя бы потому, что они могли позволить себе послать на фиг какие-то свои дела и просто повалять дурака, жмурясь под ласковым майским солнышком. А он – не мог. И для Миши Шестакова пятнадцать минут неподвижного сидения означали лишь одно: вот-вот из бешеной круговерти мыслей он выдернет одну, в данный момент наиболее важную, скоренько ее обмозгует и помчится дальше.

До прибытия поезда Миша почти успел обдумать пять вещей. Во-первых, надо было оставить Толе записку. Во-вторых, Витька верняк обиделся: и на «Грымзу», и на легкомысленное «Я пошел!». Нет чтобы руку пожать рабочему человеку, попрощаться по-людски... В-третьих, не слишком ли застиранно выглядит рубашка для делового визита? Потому что, в-четвертых, Шестаков ехал в мэрию. Григорий Романович, тесть бывшего Мишиного начальника, устроил аудиенцию у какого-то крупного начальника. Отсюда следует, в-пятых: достаточно ли убедительные бумажки лежат в Мишиной черной кожаной папке? Глядя правде в глаза, с такими

материалами логичней было бы двинуть в редакцию «Сенсации» или, на худой конец, «Калейдоскопа». Вот, например, заявление...

Стоп. Со своего места Миша прекрасно видел всю платформу, автоматически отмечая про себя все передвижения пассажиров. Ближе всех к нему находился тот самый дядечка с рюкзаком. И чего-то он внимательно рассматривал на рельсах.

Порыв ветра из тоннеля ударил в лицо. И далее – за несколько секунд: мужчина, повернув голову, увидел приближающиеся огни, пригнулся, а затем, упав на пол, удивительно профессионально пополз по-пластунски к широкой скамье посреди зала и укрылся за ней, сдернул рюкзак, мгновенно развязав его, махнул рукой, крикнул что-то неразборчивое и принялся кидать картофелины в прибывающий поезд.

Ох, и пришлось с ним повозиться! Мужик попался хоть и немолодой, но жилистый. И не самая большая беда, что поезд метро он принял за фашистский танк. Когда ничего не подозревающие люди начали выходить, старый фронтовик решил пойти врукопашную.

Миша сидел на ногах скрученного общими усилиями ветерана и с тоской думал о том, что к десяткам жутковатых историй в метро прибавилась еще одна. Очень быстро она, как обычно, обрстет красочными подробностями. И еще несколько тысяч человек предпочтут штурмовать трамваи, а

не спускаться в это подземелье ведьм.

Черная папка с доказательствами валялась на полу. Не описывать такие вот штуки, а показать однажды чиновнику из мэрии ошалелые лица пассажиров. Багровое лицо связанного старика, хрипящего: «Танки, танки... Гранаты кончились...» Рыдающую женщину в разорванном пальто. И раскатившиеся по платформе картофелины.

...Уже пред ласковым оком гладкого господина (нет, пожалуй, все-таки товарища) в мэрии Миша понял, что ЭТОГО не проймешь ничем. Солидный мужчина в хорошем сером костюме сидел за столом, положив руки перед собой. Этакий сфинкс без головного убора и в очках. Лет пятьдесят пять, не меньше, но гладкая кожа наводила на мысль о том, что мимикой он свое лицо не утруждает. И только слишком тонкие губы, похоже, больше привыкли к сдержанному «нет», чем к улыбающемуся «да».

Табличка на двери: «Хренов Р.И.» говорила сама за себя. Ромуальд Иванович гордо восседал на должности «замначотдхозупрподком при комгоркомм и тр.». Мишину хорошо подготовленную речь он постоянно перебивал мелкими блошиными вопросиками типа: «А вы сами кем работаете?» или «А „Скорая“ быстро приехала?» Выслушав, побарабанил пальцами по столу и спросил:

– Так что же вы хотите?

– Денег, – почему-то разозлившись, ответил Шестаков.

– Вот так просто? – товарищ Хренов артистично округлил глаза и заразительно рассмеялся.

Далее последовал маленький спектакль: мы поражены, мы машем руками, бессильно откидываемся на стуле, снимаем очки и вытираем выступившие слезы.

Миша, сжав зубы, ждал, пока Хренов успокоится.

– Дружочек мой, – проговорил наконец Ромуальд Иванович, – вы только не обижайтесь. А лучше – сядьте на мое место и посмотрите на себя со стороны. Приходит ко мне в кабинет взъерошенный человек, – это он прав, видок у Миши после танковой атаки был неважный, – и просит денег! И на что? – Хренов брезгливо пошуршал бумагами на столе. – Это, по-вашему, аргументы? Да мало ли сейчас психов? При чем тут метрополитен? Вы, кстати, у них в Управлении были? И что они сказали? Без вас проблем хватает! – Тут какая-то новая мысль поразила Ромуальда Ивановича. Взгляд его вдруг подобрел, а голос стал похож на повидло: – Я, впрочем, подумая над вашим вопросом. Не волнуйтесь, что-нибудь мы обязательно придумаем.

Ясно. Пройденный вариант. Как раз в Управлении метрополитена начали именно с предложения «не волноваться». Миша пару раз глубоко вдохнул и достал из внутреннего кармана еще одну бумагу.

– Я не псих. Вот официальное заключение. И я прошу отнестись к моим словам серьезно.

«Шут его разберет, – подумал Хренов, – бумага вроде на-

стоящая, а такой бред несет... Надо его побыстрее выпроваживать. Обедать пора».

«У, жаба бюрократическая, – решил Миша, – почти не слушал. На часы смотрит. Обедать небось пора».

Шестаков резко встал, заметив, как вздрогнул Ромуальд Иванович, и протянул руку за папкой.

– Все ясно, спасибо. Я пойду.

– Конечно, конечно, – облегченно засуетился Хренов. Он вроде собрался подать Мише руку, но раздумал и лишь неловко привстал на стуле. – Координаты свои оставьте, вдруг что-нибудь придумаем.

– Да что ты все заладил: «Придумаем, придумаем»! Сидишь тут, бездельник, «Фортинбрас при Умслопогасе», лоб морщишь! Я к тебе с делом пришел, а ты... Психов ему много... А то, что у нас на линии скоро филиал дурдома нужно открывать, тебя не касается? Да ты в метро когда последний раз ездил? – Миша представил, с каким удовольствием сейчас шарахнет этой официально-лакированной дверью...

Ну, вот, булыжник – орудие пролетариата... Неизвестно, что прошибло товарища Хренова, но голос его резко построжал:

– Подождите! – и дальше, глядя прямо Шестакову в глаза – Вот что. Орать и «тыкать» тут не надо. А надо реально смотреть на вещи. Вам нужны деньги? Очень хорошо. А кому это «вам»? Подсобному рабочему Шестакову? Беретесь за дело, так уж делайте это грамотно. – Миша внимательно

слушал, стоя около двери. – Зарегистрируйтесь официально. Я уж не знаю, как общественное движение или фонд. Ищите спонсоров. Бейте в барабаны. Трубите в трубы. Задействуйте прессу, хотя... эти только панику раздуют.

– Спасибо. – Сквозь утихающую злость Миша понимал, что «замнач» прав.

– Не за что. Когда определитесь, милости просим с официальным письмом. Хотя... Буду с вами откровенен до конца: здесь денег не ищите.

Шестаков решил, что трех «спасибо» будет многовато, и, молча кивнув, открыл дверь.

Хренов догнал его уже в конце коридора.

– Послушайте... – Вне начальственного кабинета Ромуальд Иванович совершенно потерял сходство со сфинксом и вполне мог сойти за школьного учителя или рядового бухгалтера. Костюм оказался ему заметно тесноват, дыхание сбилось от быстрой ходьбы. – Вы... серьезно... верите во всю эту чертовщину? – Легкий кивок в сторону Мишиной папки.

– Не знаю. – Шестаков поморщился, подбирая слова. – Я должен просто понять, ЧТО там происходит. – Пожал протянутую руку и твердо добавил: – Если я докажу, что это чертовщина, позову попа.

Да, конечно, не стоило туда идти. Но Григорий Романович так убедительно рокотал Мише по телефону: «Сходи, Шестаков, времена нынче другие, власть к народу ближе ста-

ла... Иваныч мужик дельный... Расскажи ему все, не стесняйся... В конце концов, про выборы намекни...» А может, и правда, стоило намекнуть? Миша стоял на Исаакиевской площади и курил. Казенные «Волги», в основном «тридцать первые», сновали туда-сюда, привозя и увозя тех самых «дельных мужиков». Почему-то вспомнился эпизод из любимой Мишиной книги «Ходжа Насреддин». Тонет ростовщик Джафар. Ему наперебой подают руки: «Давай! Давай!» А тот как будто не слышит. «Дураки вы, – сказал Насреддин, – не видите, кого спасаете? Вот как надо!» И протянул ростовщику руку: «На!» И спас. К чему это я? Какое «на!» мог я предложить Хренову? Возглавить предвыборную кампанию под лозунгом: «Избавим метро от чертей!»? Не смешно.

И побрел Михаил Шестаков, бывший милиционер, а ныне – подсобный рабочий, по Малой Морской, прочь от бесполезной мэрии, сжимая под мышкой невзрачную кожаную папку. На Невском автоматически повернул направо, равнодушно проходя мимо новых заграничных витрин, не удостаивая взглядом ни шедевры петербургской архитектуры, ни весенних длинноногих девушек. Отказался моментально сфотографироваться на фоне Казанского собора, не купил ни газет, ни мороженого... Проигнорировал, одним словом, бурлящую жизнь родного города. Он уже спустился на несколько ступенек в подземный переход, но вид отврати-

тельно кривоногой буквы «М» и неистребимый, с детства знакомый запах сероводорода на этом месте вдруг вызвал такой приступ ненависти к метро, что Миша развернулся и пошел назад.

Какого черта я переживаю за этих людей? Почему я не могу так же спокойно, как они, читать детективы или обнимать девушек, а должен каждую секунду напряженно ждать очередной подлости неизвестного врага? Я становлюсь у крайней двери вагона и внимательно всматриваюсь в их лица: вдруг сейчас кто-то вцепится соседу в горло или забьется в истерике на полу?

Шестаков сжал кулаки и прибавил шагу. Пойду домой пешком. Видеть это метро не могу! Не хочу больше этим заниматься, не буду, Дон Кихот пополам с Рэмбо, пропади ты пропадом, «северная столица», уеду в Коми лес валить, или лучше в Краснодар, там тепло, хлеб выращивать... или в Ташкент («Там яблоки», – гадко подхихикнул внутренний голос), – и Миша понял, что зря себя так накачивает, потому что, оказывается, второй, сидящий в нем человек – ироничный и мудрый, несмотря на причитания первого, гнул свое: «Что ты разоряешься, как на митинге? Себя-то обманывать не надо, на „Гостином дворе“ никаких интересующих нас инцидентов быть не может, это давно известно, купи газету, сегодня, кстати, „Комсомолка-толстушка“ вышла, поезжай домой, дождись звонка Толика, вдруг что-то получилось, и не забудь позвонить в „справочную“, узнать, что

там с нашим „танкистом“, как только будет можно, его надо повидать, порасспросить... И наша любимая черная папка, пополнившись еще одной „страшилкой“, станет толще на несколько листков, а мы ни на шаг не приблизимся к разгадке...»

Ладно, предоставим Мише разбираться со своими внутренними голосами и попробуем осторожно заглянуть в эту пресловутую папку.

Начинал ее собирать Шестаков месяцев пять назад. Только-только начали утихать страсти вокруг Нейроцентра. Валерка Дрягин скоропостижно женился, хитрый Самойлов свалил в рейс, и Мишка остался один на один со своими сомнениями. Ну, ладно. Допустим, Опы Юлия Борисовна пострадала из-за собственной чувствительной души. «Пострадала» – не то слово, если речь идет о десятке раненых и двух погибших, одна из которых – сестра Юлии Борисовны. Невесть откуда взявшиеся в вагоне собаки (теперь-то Миша знал, ОТКУДА) грызли и рвали всех подряд. По долгу службы Шестаков одним из первых увидел, на что способна тонкая ранимая душа после воздействия прибора Поплавского. Так. А остальные?

...Дежурная по станции, которая внезапно вообразила себя архангелом Гавриилом, а родной метрополитен – вратами ада...

...Рыдающий старичок умолял, чтобы его вывели наружу: он больше часа ездил туда-обратно, но ВСЕ станции были

«Академическими»...

Да зачем далеко ходить? Санька Самойлов лично наблюдал свое падение под проходящий поезд по телевизору, установленному для машиниста в начале платформы.

Миша специально проверил: Юлия Борисовна была единственной пострадавшей и одновременно пациенткой доктора Игоря. Остальные и близко не подходили к зданию Нейроцентра. Миша завелся. Он проделал громадную работу. Не поленился поднять ВСЕ несчастные случаи в метро (благодаря служебному положению позволяло это сделать – тогда Шестаков еще работал в милиции). Аккуратно отсеял просто пьяных и просто психов. Из оставшихся кого смог – нашел и с кем смог – поговорил. И что? И ничего. Около тридцати случаев кратковременного помешательства. Внезапных и необъяснимых.

Шестаков понял, что ум у него заходит за разум. Он купил литр водки, три гвоздики и решился нарушить семейную идиллию Дрягиных.

Миша никогда не был ни в Японии, ни тем более в знаменитом театре «Но». Но где-то он читал, что их актеры, используя игру света и тени, умудряются придать совершенно неподвижным маскам любые выражения. Безмолвная трагедия, разыгравшаяся в первые же минуты перед его глазами в Валеркиной прихожей, была явно достойна лучших спектаклей «Но».

Мариночка окинула Мишу взглядом врача-рентгенолога,

кисло-сладко улыбнулась гвоздикам, мгновенно почернела при виде бутылки и ушла на кухню, покачивая бедрами.

Хорошо было заметно, как все Валеркино нутро потянулось за этим покачиванием. Дрягин безмолвно разрывался на части. Глаза его светились радостью при виде «сладкой парочки» Шестаков—«Распутин», рука уже потянулась для дружеского рукопожатия, но чуткое ухо улавливало неодобрительное позвякивание посуды. Grimаса нечеловеческого страдания исказила мужественное лицо Валеры, и он двинулся вслед за женой.

После непродолжительного шипяще-свистящего совещания за закрытыми дверями Мише таки выдали тапочки и допустили на кухню. Марина стояла у стола и резала колбасу с таким выражением на лице, будто не «краковская полукопченая» у нее под ножом, а все назойливые друзья-алкоголики ее беспутного муженька.

Ну и, конечно, никакого разговора не получилось. Вторая же рюмка стала колом в горле. Говорят, Иисус превращал воду в вино? Так вот, талантливая супруга Валеры Дрягина переплюнула великого назаретянина. Под ее уничтожающим взглядом водка, кажется, становилась серной кислотой. Сам Валерка выглядел сущим идиотом. В разговоре обращался в основном к жене, все время норовил взять ее за руку и называл тошнотворными кликухами вроде «зайчика», «пипоши» и «мурзилкина».

Шестаков ничего не сказал товарищу. Но отомстил до-

вольно тонко. Заметив, на какую волну настроен семейный приемник Дрягиных, потратил целый день, но дозвонился на «Радио-Балтика» и заказал для «молодоженов Марины и Валеры» песню «Агаты Кристи» «Я на тебе, как на войне». Скорее всего «толстый» намек был услышан и понят, потому что с днем рождения Мишу Валерка не поздравил.

После этого случая Шестаков решил действовать один. Он уволился из милиции, устроился подсобным рабочим в метро на станции «Политехническая», но продолжал регулярно общаться с бывшими коллегами. И пополнял материалами свою папку. Зачем? А как тут объяснишь? Таким людям, как Витька Гмыза, например, бесполезно и пытаться – в затылке почешут, плечами пожмут и пойдут прочь, криво ухмыляясь через плечо. А с другой стороны – Толик Мухин. Не сват, не брат, – а видели бы вы, как у него загораются глаза от любой, даже самой безумной Мишкиной идеи... Единственный раз он откровенно заржал: когда доведенный до белого каления Шестаков обвинил во всем инопланетян. Во что, во что, а вот в пришельцев Толик не верит ни грамочки. Уже несколько раз Миша собирался рассказать ему об экспериментах Игоря Поплавского. Но... Сказал «а», надо говорить и «б». То есть не просто выдать в легком жанре историю космического контрабандиста Юры, а объяснить, за каким дьяволом они с Сашкой вообще поперлись в тот мир. А это значит – рисковать доверием своего первого (а может, и последнего) единомышленника.

Месяца три назад им удалось заманить к себе специалистов из «Невскгеологии». Шестаков больше часа кривлялся в кабинете начальника только для того, чтобы ребятам разрешили мерить в метро. Миша пообещал заплатить за работу из своего кармана, а геологи дали подписку сохранить в тайне все, что намеряют. Умные приборы не обнаружили ничего опасного, а Шестакову пришлось продать телевизор.

Дольше всего продержалась версия об изобретательных террористах. Мишка с Толиком обшарили каждый сантиметр вестибюля станции «Гражданский проспект» (по статистике, на эту станцию приходилось больше всего несчастных случаев), буквально на пузе проползли всю платформу, ничего мало-мальски похожего на источник отравляющих газов не нашли.

Идея с крысами принадлежала Толику. Почему мы так за нее уцепились? Да, наверное, потому, что ничего другого не оставалось. Крысу видели пятеро потерпевших за несколько минут до происшествия (из них двое пассажиров и трое работников метрополитена). Вот потому-то и катался Мухин почти каждый день (это зависело от их охотничьей удачи) в СЭС с упакованной в лед очередной убитой тварью. Чем страшно раздражал тамошних лаборанток, которые смутно понимали, чего от них хотят (от «них» – это и от лаборанток, и от крыс).

Каждый шаг этих почти пятимесячных мучений и исканий был тщательно запротоколирован и занесен в черную

папку. Чинно лежали там отпечатанные на фирменных бланках, а встречались и просто черкнутые на листке из блокнота свидетельские показания типа: «...Я ничего не увидел, пока меня не ударили по голове...» Вот только официальное заключение из психоневрологического диспансера о своей полной вменяемости Миша папке не доверял, а носил во внутреннем кармане, рядом с паспортом. И иногда, под особо хреновое настроение, вынимал и перечитывал вместо аутотренинга.

Глава вторая

СССР

– Мишка! Але! Миш! Слышишь? Але! – Толик орал в трубку как оглашенный.

– Я слышу, слышу, – устало ответил Миша. Сердце, однако, екнуло: неужели получилось?

– Я нашел! Мишка! Я нашел!

– Тьфу, да не кричи ты так. Что нашел?

– СССР! Ты слышишь? Я из автомата! Сейчас приеду!

– Балда, – успел сказать в трубку Шестаков и отправился на кухню ставить чайник.

Не устаю удивляться нашему Толику. Повариться к тридцати годам в пяти-шести солено-перченых кашах и сохранить в неприкосновенности совершенно детское восприятие мира – это, знаете ли, далеко не каждому дано. Свободно говорит на любые темы – от англо-бурской войны до половой жизни землероек. Именно поэтому с ним легко общаться, но очень непросто работать. Все время нужно держать в русле. Сиди вот и думай, с чем он сейчас заявится. Можно даже попробовать угадать. Ну, например, какая-нибудь очень допотопная карта СССР. А купил он ее у алкаша на последние деньги, и, как следствие, – Мишин вполне приличный ужин на одного превращается в скромный (если не сказать скудный) для двоих.

Толик ворвался в квартиру, прямо в ботинках двинулся на кухню, цапнул бутерброд и что-то восторженно промычал с уже набитым ртом.

– Ты мне для начала скажи: с крысой что-нибудь случилось? – спросил Миша, не боясь испортить напарнику аппетит.

Тот несколько раз энергично помотал головой, потом закивал, махнул рукой и продолжал заниматься бутербродом.

– Макарон не дам, пока не скажешь хоть слово, – пригрозил Шестаков.

– Угу. – Толик с усилием проглотил последний кусок и снова заорал: – Нашел!

– Ты уже не в автомате, теперь-то зачем кричать? Что нашел?

– Профессора крысиного! – сияя, сообщил Анатолий и потянулся к винегрету. Но тут же получил по рукам и продолжал: – Мужик классный! То, что нам нужно! Я его в СЭСе подцепил! Приезжаю туда. Отдаю пакет с дорогушей лаборантке... Сегодня Ленка дежурила... Развонялась, конечно: «Опять вы со своей дрянью к нам!» А я ей – шоколадку в карман, за ушко потрепал: поработай еще разок, милая... А тут этот... «Что у вас?» – говорит... Я говорю: как обычно, крыса...

Ну и стиль у нашего эрудита! Это он специально, за то, что голодом морят. Миша демонстративно снял крышку с кастрюли и начал медленно накладывать макароны. Толик

продолжал распинаться. Но когда на солидный макаронный холм была положена вторая котлета, сдался.

– Хорошо. Вкратце так: результат, как обычно, нулевой. Но я нашел очень хорошего специалиста. Он заинтересовался нашей проблемой и готов помогать. Совершенно без-возмезд-но. То есть даром. Дай котлету.

Миша для виду поколебался и поставил тарелку перед напарником. Вот кого надо снимать в рекламе макарон. Не раскрашенных супермоделей, у которых в глазах сквозит ужас при виде мучных изделий, а простого голодного русского парня Толю Мухина. Вот где радость жизни и здоровые инстинкты. Несмотря на бешеную скорость, Толик ел красиво и оч-чень аппетитно. Миша чуть было не пожадничал, но предчувствие удачи и исходящий от напарника сильный запах аптеки помогли это преодолеть.

– Фу-у-у, – наконец блаженно выдохнул Мухин и тут же начал рассказывать.

Человек, с которым Толик познакомился на санэпидстанции, не был ни профессором, ни даже кандидатом наук. Уж лет двадцать, как он довольствовался должностью младшего научного сотрудника в Институте цитологии. Крысы были его работой, хобби, страстью – чем хочешь назови.

– Понимаешь, Миха, он мне так сразу понравился! Я ему все и выложил. Ты бы видел, как у него глаза загорелись! Как прожектора! – Толя взмахнул руками, видимо, пытаясь изобразить что-то большое и сияющее, и чуть не смахнул со

стола сахарницу. – А потом как начал вопросами сыпать... Мы с ним прямо к нему в лабораторию поехали. Это рядом с Политехом... Оборудование там у него... Мишка, это то, что нам нужно! А СЭСу твоему – только глистами заниматься!

– Почему моему? – обиделся Шестаков. – К тому же СЭС не «он», а «она».

– Что? – Толик на мгновение задумался. – А! Ну да, фиг с ней. Короче, завтра мы встречаемся в час дня у нашей двери. Молодец я?

– Молодец. А у какой нашей двери?

– Шестаков, ты к вечеру тупеешь! У двери подсобки, в метро! Еще вопросы есть?

– Есть. Как его зовут хоть?

– Ха! Так это же самое смешное! Я тебе по телефону сказал: СССР!

– То есть?

– Нашего крысиного академика зовут Савелий Сергеевич Струмов-Рылеев. Сокращенно – СССР! Понял?

– Сам придумал?

– Нет, это он так представился. Я у тебя переночую?

Савелий Сергеевич пришел на встречу в музейного вида совдеповских джинсах, туристских ботинках и выгоревшей штормовке с огромным карманом на животе. «Кажется, такие в альпинистской среде называют „кенгурятниками“, – вспомнил Миша. Из отдаленных студенческих времен вдруг

всплыла застарелая неприязнь к туристам, и Шестаков сразу решил, что СССР ему не понравится. Толик, наоборот, суетился вокруг Струмова-Рылеева. Подвинул единственный стул, зачем-то предложил кофе, которого у них в подсобке никогда не водилось, и вызвался провести, как он выразился, „маленькую экскурсию по местным катакомбам“. Профессор (Миша понял, что это прозвище, с легкой руки Мухина, так и останется за Савелием Сергеевичем) удивленно поднял бровь и от экскурсии отказался.

– Михаил... – вопросительно начал он.

– Можно без отчества, – Шестаков постарался не передразнивать церемонные интонации СССР.

– Я бы хотел, если можно, еще раз услышать от вас, в чем, собственно, состоит проблема. Ваш коллега, – сдержанный поклон в сторону Мухина, – вкратце сообщил мне, что вы интересуетесь крысами...

Теперь Миша сообразил, что Струмов-Рылеев дико напоминает ему профессора Преображенского в исполнении Евгения Евстигнеева. И зачем только Толик притащил сюда этого зануду?

В этот момент он поймал ошалелый взгляд Мухина. Посмотрел на СССР и чуть не свалился с табуретки.

Что-то шевелилось у того в «кенгурятнике».

«Начинается, – с ужасом подумал Миша, – вот и мы попались».

Профессор меж тем широко улыбнулся, расстегнул «мол-

нию» на кармане и произнес нелепейшую фразу:

– Извини, Матильда, я о тебе совсем забыл.

После чего на столе появилась белая крыса. Она равнодушно оглядела Шестакова и Мухина, села на задние лапы и принялась деловито расчесывать шерсть на мордочке.

«Это не бред, – подумал Миша. – Он действительно принес сюда эту мерзость». Уж с какой неприязнью Шестаков относился к обыкновенным крысам, а вот такие, белые, вызывали чуть ли не тошноту. Эти красные, как будто воспаленные глаза, голый хвост, шутовские ужимки... Один ее вид говорил, что она способна на какую-нибудь пакость...

Но Миша один был так пристрастен. СССР глядел на свою голохвостую приятельницу с нежностью, да и Мухин, придя в себя после неожиданного появления Матильды, уже готов был хихикать и умиляться.

Шестакову окончательно расхотелось разговаривать с Профессором. Беседа текла вяло. Толик, внезапно растеряв свое обычное красноречие, задавал СССР дурацкие вопросы.

– А они вообще какие бывают?

– Науке на данный момент известно 137 видов и 570 подвидов крыс, – вежливо отвечал Профессор.

– Так много?

– Да. Сюда, конечно, входят и самые экзотические вроде бобровой златобрюхой, широколицей кенгуровой или сумчатой крысы Лоренца.

– Крыса Лоренца... – зачарованно повторил Толик. – Здорово.

– В быту, так сказать, – продолжал Савелий Сергеевич, – мы имеем дело в основном с двумя видами: черной и серой. Справедливости ради стоит сказать, что ни та, ни другая не оправдывают свои научные названия. Серая крыса, она же амбарная, или пасюк, в основном коричневая, встречаются и черноокрашенные особи.

Миша закурил, отметив, как неодобрительно глянули на него СССР с Матильдой.

– А как же их различают?

– Самый удобный и надежный признак для отличия черной крысы от серой – это длина уха. У черной оно составляет $\frac{2}{3}$ длины ступни, – охотно отвечал профессор.

«Буду я им еще уши мерить, – зло подумал Шестаков, – давить их, гадов. И точка».

Красноглазая Матильда, видимо, почувствовала его неприязнь и перебралась к профессору на плечо. И далее, в продолжение всего разговора, проделывала трюк, от которого у Миши каждый раз по телу пробегали мурашки. Она залезла к СССР в ворот, проползала по руке и появлялась из рукава.

– ...В жилых домах черная и серая крысы мирно делят территории проживания, – невозмутимо продолжал профессор, – черная занимает чердаки, пасюк селится в подвалах. Интересно, что в новую постройку грызуны заходят только

через открытые двери или вентиляционные шахты, используя для этого темное время суток.

– Ну, а вот как они, например, попадают в метро? – приблизился наконец к нужной теме Толик.

– Обыкновенно. Через ствол шахты. И, заметьте, заселяют новую станцию за две-три недели до пуска. Хотя могут мигрировать и по тоннелям.

– А в поездах не ездят? Магнитными картами случайно не пользуются? – язвительно осведомился Миша.

– Нет, – твердо ответил профессор. – В поездах не ездят. Ходят пешком.

– Жаль. – Шестаков сказал это сам себе, быстро вспомнив, что в его папке на платформы приходилось меньше половины случаев. Мозг его лихорадочно заработал: неужели дело в вагонах?

– Простите? – Профессор удивился. – Чего именно жаль?

– Мих, – взмолился Мухин, – да не сиди ты, как красна девица на смотринах! Покажи Савелию Сергеевичу свою папку! Ты же видишь, человек знающий!

Это Миша уже и сам видел. И если бы не Матильда, профессор понравился бы ему гораздо раньше.

– Так, так, так, – приговаривал СССР, рассматривая график.

Перед ним на столе лежал Мишкин шедевр – статистика несчастных случаев за последние семь месяцев по всем сорока девяти станциям метро. Политеховские навыки не пе-

ребили даже десять лет работы с хулиганами и карманниками. Разными цветами на графике были отмечены данные по месяцам (для этого пришлось одалживать у соседского ребенка фломастеры).

Приятно, черт возьми, работать с умным человеком! Профессор минут пять рассматривал веселый узор из желтых, синих и лиловых точек, потом потер переносицу и заговорил, обращаясь к Мише:

– Насколько я понимаю, вас заинтересовало внезапное увеличение количества происшествий на участке «Девяткино» – «Площадь Мужества»?

– «Площадь Ленина», – поправил его Шестаков.

– Нет, нет. «Лесная», «Выборгская», «Площадь Ленина» – это как бы инерционный хвост. Смотрите: после того, как между «Площадью Мужества» и «Лесной» затопили тоннели, несчастных случаев там стало не больше нормы.

– Не понял. – Толик наморщил лоб.

– Да что ж тут непонятного? Человек едет в центр с «Площади Мужества». Он стоит на платформе. И перед самой посадкой в поезд подвергается какому-то вредному воздействию. Он успевает сесть в поезд, и там ему становится плохо. А та станция, на которой его высадят и вызовут врача, попадает в ваш, – Профессор помахал в воздухе листком, – график.

– Логично, – согласился Миша. – А что вы понимаете под «вредным воздействием»?

СССР надолго задумался, перебирая бумаги.

– Я думаю... Больше всего это похоже на очень сильный, избирательного действия галлюциноген. Вы проверяли?... Ах, да, да, вижу, проверяли...

Мухин глядел на Профессора, как на волшебника.

– ...Кроме того, очевидно распространение этого... м-м-м... фактора... именно от конечной станции к центру... Видите, на первых порах такие случаи отмечались только в «Девяткино»... Вы говорите, кто-то видел перед... м-м-м... случившимся крысу?

– Да. Человек пять-шесть, – быстро ответил Мухин.

– Нападений, укусов не наблюдалось?

– Нет, – хором ответили Миша с Толиком.

– А вы знаете, – вдруг весело оглядел их СССР, – это очень интересно! Я, пожалуй, займусь этим феноменом.

– То есть вы согласны, что здесь замешаны крысы? – Шестаков невольно кивнул головой в сторону Матильды. Она, видимо, устала ползать по рукаву хозяина и снова расположилась на столе.

– Замешаны? – Мише показалось, что Профессор поморщился. – Какое неприятное милицейское слово... Посмотрим. Надо проверять. Хотя я пока не очень хорошо себе представляю, каким именно образом они могут быть, как вы говорите, «замешаны», но... скорость распространения... миграции... плодовитость... Короче, будем искать. Я могу взять это домой на день-два? – Савелий Сергеевич протянул

руку к папке.

– Конечно. – Миша хотел задать ему какой-то вопрос, но не успел. В подсобке появился Витек. Вид у него был страшно недовольный. В зубах он держал незажженную «беломорину», а в руке – полведра ржавых гаек.

– Какого...! – светски начал разговор Гмыза, не обращая внимания на Профессора. Матильду на столе он, похоже, не заметил. – Я там вкалываю, а они здесь растрендякивают! Шибко умные, да? А ну-ка живо за работу! – И вывалил в железный бак свои гайки.

Грохот получился изумительный. Испуганная Матильда сиганула со стола и пулей рванула в коридор. За ней с криком: «Мотя! Назад!» бросился СССР, далее – Витька, подбадривавший: «Шваброй, шваброй ее!» За ним – Мухин, и замыкал бегущую процессию Шестаков, горя желанием надавать Гмызе по шее.

Матильда исчезла. Ни догнать, ни найти ее не удалось. Профессор сидел в подсобке несчастнее Пьеро. Ему оставалось только затынуть что-нибудь вроде: «Матильда сбежала в чужие края...» Недоумевающий Гмыза бродил по комнате, чувствуя себя виноватым неизвестно в чем. Время от времени он начинал бубнить что-нибудь невразумительное вроде: «Ладно бы, кошка там, хомяк на худой конец, а то...» Но тут же ловил на себе зверские взгляды Миши и Толика и умолкал.

Всем было страшно неловко. Шестаков честно не испы-

тывал жалости к сбежавшей Матильде и винил самого Профессора: ну действительно, какого лешего тот притащил сюда крысу?

– Господи, она же пропадет здесь, пропадет, – причитал СССР с таким неподдельным горем, что Миша, несмотря на раздражение, вдруг понял, что скорее всего Профессор – просто очень одинокий человек. И Матильда для него, может, единственное близкое существо.

– Не переживайте, Савелий Сергеевич, найдется, – неубедительно утешал его Толик, – мы поищем, или сама вернется...

– Куда вернется? Она же здесь ничего не знает!

– А мы ей сала кусочек положим, – предложил Витек.

– Да не ест Матильда сала! – окончательно обиделся Профессор. – К тому же... Вы ее не знаете! Она такая обидчивая и недоверчивая!

– О! Оби-и-идчивая... – протянул Гмыза. – Все они из себя обидчивых строят... А потом возвращаются как миленькие!

– Ты о ком? – не понял Миша.

– О бабах, о ком же? От меня когда Зойка уходила...

– Да вы что, обалдели все?! Вы о чем говорите?! Гмыза! Ты работать собирался? Вот иди и работай, а не болтай тут всякую чушь! – Шестаков решил взять руководство в свои руки, пока все окончательно не свихнулись. – Савелий Сергеевич, вот папка. Если все-таки надумаете взять посмотреть

– пожалуйста. А мне пора.

До самого вечера то тут, то там Миша слышал отчаянные взывания Профессора: «Мотя, Мотя! Матильда!» Крыса так и не появилась, и около семи часов СССР ушел. Придя в подсобку, Шестаков обнаружил, что папки нет, а на стуле висит штормовка Савелия Сергеевича.

– Он оставил, чтоб ей было куда возвращаться... – извиняющимся тоном пояснил Толик. – Нехорошо как-то получилось... А бумаги он взял.

– Ну ты прям втюрился в своего Профессора, – раздраженно бросил Миша. – Я заметил. Вместе с ним готов был эту дрянь голохвостую в задницу целовать!

– Да потому что я – не ты! Фельдфебель! Теперь я понимаю, почему тебя все Рэмбо называют! Потому что ты – как волк-одиночка, всех плохих зубами разорвешь, а хороших у тебя и не бывает! Человек нам помочь хочет, сам пришел!

– А по-моему, твой хороший человек – просто маньяк-одиночка! Подружку нашел! Мати-ильда! – передразнил Миша. – Небось торчит на работе до ночи, с сотрудниками грызется, а дома суп пакетный хакает... – Шестакова неожиданно и совершенно беспричинно понесло. – А в квартире у него книг – до потолка. И все про гадов этих... Крыса Лоренца, твою мать! Сырок небось финский своей красавице покупает... А жена от него сбежала. – Взгляд его упал на висящую штормовку. – И ледоруб на стене висит, рядом с

фотографией «Покорителям Эвереста»!

Толик изумленно смотрел на бушевавшего Шестакова и даже не пытался его перебивать. Если разобраться, Мишка просто срывал свою досаду. Он ведь не дурак, сообразил, какого нужного человека нашел Мухин. И вот теперь по вине какого-то нелепого случая они этого человека могут потерять. Возьмет да и обидится на них из-за своей Матильды...

Все понятно. Но ни утешать, ни спорить с Шестаковым никто не собирался. Толик предпочел промолчать.

Они разошлись по домам, даже не попрощавшись.

Миша угадал только две вещи: книг у Савелия Сергеевича было действительно до потолка. И на стене действительно висел ледоруб. Без фотографии. Во всем остальном Шестаков попал, что называется, пальцем в небо.

Отношение сотрудников института цитологии к СССР (в смысле – к Струмову-Рылееву, а не к развалившемуся Союзу) было весьма близко к обожанию. Не то что «грызться», а даже просто повышать голос на коллег Профессор в принципе не мог. Ходила, правда, легенда о том, что давным-давно, еще во время работы в старом здании, Савелий Сергеевич НАКРИЧАЛ на слесаря-сантехника. Легенда умалчивала, какой чудовищный проступок совершил местный «афоня», чтобы вывести из равновесия этого интеллигентнейшего и уравновешеннейшего (местный сленг. Употребляется только в сочетании с именем Савелия Сергеевича) челове-

ка. Далее. СССР жил в огромной коммунальной квартире на Фурштадтской, где больше половины жильцов приходились друг другу родственниками. Пакетных супов в доме не водилось с момента заселения. В дореволюционные времена – просто по причине отсутствия таких в природе. В наши дни – уже по традиции. (Оставим без внимания совершенно неуместное здесь словечко «хавает», означающее, по всей видимости, процесс поглощения именно пакетного супа.)

И никаких специальных продуктовых закупок для своей белой крысы СССР не делал. Общая любимица, Матильда столовалась на кухне, вместе с дружной компанией, состоящей из трех кошек, двух попугаев и одной морской свинки.

С женой, Милой Михайловной, Савелий Сергеевич прожил двадцать два года в мире и согласии. Пять лет назад она умерла от рака.

...Шестаков пришел утром на работу разбитый и злой. Вчера вечером он пожмотничал и не вылил старый рыбный суп. Ел, давился, а потом всю ночь провел в бегах между кроватью и сортиром.

Вот кто у нас всегда на рабочем месте – так это сквозняки. Миша чуть-чуть замешкался на входе и тут же получил увесистый тумак дверью по... в общем, по спине.

Витек Гмыза, птаха наша ранняя, уже сидел в подсобке с таким умильным выражением на лице, как будто только что выиграл в лотерею крейсер «Аврора».

– Доброе утречко! – ласково поздоровался он с Шестаковым. Необычность поведения Витька в сочетании с бессонной ночью дала такую гремучую смесь, что Миша чуть не взорвался. Он было открыл рот, чтобы сообщить Витьку все, что он думает об этом утре, но не смог произнести ни слова.

Перед Гмызой лежал большой шмат сала. Как раз в этот момент из кармана оставленной Профессором штормовки появилась мордочка Матильды. Она опасливо поводила носом, взяла протянутый ей Гмызой кусочек и снова скрылась в «кенгурятнике».

– А говорил – сала не ест! – удовлетворенно заметил Витек, прибавив к этому ласковый, но совершенно непечатный эпитет в адрес Матильды.

Глава третья

Сокровища мадам Петуховой

До конца недели Шестаков успел четыре раза крупно поспориться с Гмызой, один раз – с Толиком и раз пятьсот, помелочи, – с СССР. Отпраздновав чудесное возвращение Матильды, Савелий Сергеевич с ходу включился в работу. За три дня он совершенно освоился в метро, бесстрашно шныряя по всем углам и расставляя хитроумные ловушки. Появлялся СССР обычно около шести вечера и сразу садился пить чай с уборщицами. И хотя темой его разговоров были исключительно крысы, женщины слушали Савелия Сергеевича развесив уши.

В пятницу вечером в подсобке разгорелась жаркая дискуссия. СССР как раз рассказывал о шиншиллах, утверждая, что шуба, сшитая из шкур этих, по его словам, милейших животных, стоит столько же, сколько хороший автомобиль.

– Подержанный? – деловито уточнял Витек.

– Новый! Новый «Мерседес»! – Профессор окинул слушателей сияющим взглядом, наслаждаясь произведенным эффектом.

– Да это сколько ж этих шишиллов на шубу нужно? – поинтересовалась, наверное, на всякий случай, Тамара Сергеевна.

– Специалисты называют разные цифры. От ста пятиде-

сяти до трехсот.

Все помолчали минуту, видимо, представляя себе ораву из трехсот крыс, а потом разом заговорили:

– Да на хрена такая шуба нужна! Лучше машину взять!

– Это все капиталисты выпендриваются!

– Сергеич, а какого они цвета?

– А я б купила! Были б деньги. С большими деньгами на все по-другому смотришь!

– Слушай, – сердито спросил Миша Толика, – он что, на посиделки сюда приходит? Как ни посмотрю – все лясы точит. А толку от него – никакого.

– Как – никакого? – За своего обожаемого Профессора Мухин был готов перегрызть горло любому. – Много ты понимаешь! Человек по науке все делает!

– То-то я и вижу, что твоя наука нам еще ни одной крысы не поймала!

– Дурак ты, – снисходительно бросил Толик. И тут же заученным тоном прилежного ученика процитировал – Серая крыса, она же пасюк, отличается крайней осторожностью. Поэтому к приманке ее надо приучать постепенно. А именно: 6–7 суток к ненастороженным ловушкам и не менее 10–12 суток – к настороженным.

– Тьфу, зануда, – только и смог ответить Миша.

Он послушал еще минут пять, как взрослые люди всерьез спорили, брать ли новый «Мерседес» или все-таки шубу из шиншиллы, – как будто и то и другое находилось в соседней

комнате и ждало их выбора. Любит, любит наш народ примерить на себя красивую сказку...

– ...А с другой стороны, мороки с этой шубой... – задумчиво говорила Тамара Сергеевна, – ни на попе с горки не скатишься, ни в гардеробе не оставишь...

– Опять же – моль... – подхватил ее мысль машинист Ермаев.

Шестакову вся эта беспочвенная дискуссия окончательно надоела. Он пожал руку Толику, поймал взгляд СССР, молча кивнул ему, прощаясь, и вышел.

Непривычное ощущение праздности охватило Мишу. Ну действительно, когда в последний раз он оказывался свободен в семь часов вечера? «Пойду-ка я просто прогуляюсь», – решил он и двинулся к эскалаторам.

Наверху еще светило солнышко, радостно горланили птицы и нетрезвые продавцы сосисок и колготок.

«Пивка, – решил Шестаков, – отдыхать так отдыхать».

У первого же ларька его громко окликнули:

– Рэмбо! Трам-там-там-там-там-там! – Сложный оборот, составленный исключительно из ненормативной лексики, должен был означать немереную радость и удивление. – На ловца и зверь бежит!

– Нашел зверя, – нелюбезно отозвался Миша. Здоровенный парняга по кличке Штука был ему хорошо знаком еще по прежней работе, но Шестаков никогда не допускал фамильярностей в общении «а-ля Глеб Жеглов». – Чего тебе,

Фролов?

– Так тебя ж Носатая ищет!

Пришла очередь удивляться Шестакову.

– Меня? Зачем это? Я уж почти полгода как не мент.

– Не знаю, Шестаков, не знаю, может, у нее какой личный интерес к тебе? – Штука двусмысленно подмигнул, но почему-то обоими глазами.

– Да иди ты... – Миша снова повернулся к ларьку.

– Я серьезно, Рэмбо, – голос Фролова стал умоляющим, – она всем сказала: увидите, скажите, что он мне нужен!

Миша с наслаждением отпил, не отрываясь, почти полбутылки пива и сразу подобрел.

– Охрану, что ли, набирает? Так не пойду я к ней...

– Не, с охраной у Носатой все нормально.

– Хм, ну, тогда, наверное, замуж позовет, не иначе.

Штука довольно заржал и тут же засуетился:

– Ну что, двинулись?

– Прямо сейчас? – Встреча с местной бандершей, прямо скажем, не входила в планы Мишиного отдыха. Он уже пожалел, что разговорился с Фроловым.

– Пошли, Рэмбо, я только что ее машину около конторы видел.

– Не егози, – сурово одернул его Шестаков. – У вас что, премия положена за мою доставку?

– Да ладно тебе. Она сказала: очень нужен. А мое дело – передать.

Танька Петухова, она же Носатая, как раз выходила из конторы – обыкновенного ларька, но без окон и с официальной табличкой «ТОО АФРИКА».

– Привет, – бросила она Шестакову, ничуть не удивившись, – садись в машину.

В принципе из нее могла бы получиться очень стильная дама, учитывая идеальную фигуру и родителей-академиков. Но... Карьеру фотомодели Татьяне перечеркнул лет двадцать назад дворовый пес Марс. То ли играя, то ли разозлившись на приставучих детей, он цапнул за нос ближайшего к нему. Этим ближайшим оказалась Танька. С тех самых пор неровный розоватый шрам стал чуть ли не ее визитной карточкой. Ни чьи уговоры – ни родителей, ни друзей, ни обоих мужей – не заставили ее сделать пластическую операцию. Ей нравилось быть Носатой. И вообще, с младенчества девизом Танькиной жизни было: «Не как все!» Татьяна на окружающих производила убийственное впечатление. От цвета ее нарядов сводило скулы даже у бесчувственных грузчиков овощных магазинов. Лексикон – как у доктора филологии, отсидевшего лет пятнадцать в колонии строгого режима. По городу Носатая разъезжала в «БМВ» неупохожимо-поганого оттенка, который Валерка Дрягин, увидев однажды, охарактеризовал как «цвет бедра ошпаренной нимфы».

– Ты ел? – буднично спросила она, словно жена, припозд-

нившаяся с работы. – Ужинать будешь?

– Буду, – в тон ей ответил Шестаков. «Ну-ну. Посмотрим. С вопросами пока подождем. Пусть Татьяна сама разыгрывает свои козыри».

Ему пришлось больше часа покататься с Носатой по окрестностям. Они заехали в ларьки на «Площади Мужества» и «Академической», посетили большой магазин хозяйваров на Гражданском проспекте (оттуда Татьяна вышла разъяренная и даже пнула носком изящной туфельки чью-то «девятку») и ненадолго притормозили около развала «секонд-хэнда» на проспекте Науки. У Шестакова закралась неприятная мыслишка, что Танька не столько занимается своими делами, сколько демонстрирует его своим приближенным. «Не иначе, в охрану к себе позовет. Соврал, значит, Штука». Когда они наконец сели за стол в небольшом ресторанчике, Миша напрямик спросил:

– Ну что, всем меня засветила?

– Фу, Рэмбо, что за жаргон? – Татьяна наморщила нос. Из-за шрама это у нее получилось жутковато. – Просто ты должен понимать, что правильно проведенная рекламная кампания – это восемьдесят процентов успеха.

– Начало интересное. И что же продаем?

– Слушай, давай вначале поедим? У меня уже голова от голода кружится.

– Угощаешь?

– Спрашиваешь! Небось подсобным рабочим ресторан не

по карману?

– Так ты и это знаешь?

– Конечно.

– Тогда я не понимаю, зачем шухер разводить?

– Какой шухер?

– С поисками. Штука у меня чуть на рукаве не висел: «...

Носатая тебя ищет...» – Миша намеренно провоцировал Петухову. – Ты бы еще в газетах объявление дала: «Срочно хочу Рэмбо!»

– Ты спохлился или мне показалось? – спокойно поинтересовалась Танька, оторвавшись от салата.

– Прости. Показалось.

Они помолчали немного, занимаясь едой. Первый раунд, по всем статьям, остался за Носатой. Шестаков, однако, не унимался и через некоторое время, проследив, как его дама лихо хлопнула третью рюмку, вслух удивился:

– Ты что – все ГАИ скупил?

– Рэмбо, ты наивен, как дитя. На эту прорву никаких денег не хватит. Неужели ты считаешь, мне некого посадить за руль?

Мише почему-то почудилась в этих словах горькая жалоба. Действительно: «посадить за руль» это немного не то, что «отвезти домой». Он испугался, что разговор сейчас скатится в скучнейшее бабское болото, и, уводя разговор в сторону, предложил:

– А на трамвайчике не желаете? Или на метро? – Шеста-

ков честно не хотел язвить. Но, как оказалось, попал в точку. Татьяна вздрогнула, остро и внимательно глянула на него и серьезно спросила:

– Как, по-твоему, это надолго?

И снова Мишка не врубился, решив, что спрашивают про затопленные тоннели:

– Не знаю, я же не инженер-строитель. Говорят, там подземная река...

– О-о-о... – закатила глаза Носатая, – ну, я не понимаю, как можно с мужиками о деле разговаривать? Пока голодный – вообще не подступись, а поест, так просто дурак дураком! Шестаков! Я тебя не об этом спрашиваю!

Далее разговор проходил почти конструктивно. Убедившись, что Татьяна не преследует в его отношении личных целей и не просто собралась послушать «страшилок» на сон грядущий, Миша рассказал Таньке все. Даже про СССР с Матильдой. Петухова выслушала внимательно, чуть нахмурившись. Немного помолчала и внезапно расхохоталась.

– Ты чего? – испугался Миша.

– Ой, подожди... Сейчас отсмеюсь... – Татьяна достала из сумочки носовой платок, шумно высморкалась (Шестаков заметил, как изумленно обернулся на нее мужик за соседним столом) и весело сказала:

– Ох, и повезло тебе, Рэмбо, с бабами в команде: хвостатая есть, теперь и Носатая будет...

– Тоже в подсобные рабочие уходишь?

– Не-ет, Рэмбо, у меня, конечно, на земле забот – выше крыши. Но к вам, туда, – Петухова ткнула пальцем вниз, – мне пока рановато.

– Тогда – не понял.

– Тогда слушай. Ты меня знаешь? – Вот-вот, пошла Манька Облигация. Дальше по сценарию: «...я сроду с „мокрушниками“ дела не имела!» Татьяна, похоже, и сама вспомнила любимый фильм, потому что снова хохотнула басом. Но продолжила вполне серьезно – Моя «Африка» сейчас держит почти всю торговлю у метро, от «Площади Мужества» и до конечной. А народ теперь все верхом ездит. И норовит покупать свои долбаные сосиски или в центре, или уже около дома. Ты не представляешь, в каких я «минусах». А скоро лето... Холодильников не хватает. Я не могу товар неделями на улице гноить. Понимаешь?

– Нет, – честно ответил Шестаков. – Холодильниками помочь не могу, у меня дома – один, да и то старьё.

– Ладно, хватит прикидываться. Короче говоря, мне нужно, чтобы народ опять в метро ездил. Как обычно. И не шугался.

– Что ж я их, за руки тянуть буду?

– Зачем – за руки? Ты делай то, что делал. А я помогу.

– Чем?

– Чем надо. Деньгами. Людями. Оружием. Только скажи.

У Шестакова, видимо, было настолько обалделое, недоверчивое выражение на лице, что Танька просто налила две

полные рюмки, протянула ему одну, чокнулась и выпила со словами:

– Не сомневайся, Носатая не обманет.

Миша послушно выпил. На душе было тепло и радостно. Мадам Петухова не прятала свои сокровища в стул, а сама принесла Воробьянинову.

– Ну? Тебе, наверное, подумать нужно? Так ты подумай, список мне составь – чего и сколько.

– А ты не боишься?

– Чего? – удивилась Носатая. – Я ж не людей убивать собираюсь. Я ж на благое дело...

Миша ненадолго задумался.

– Единственный вопрос: кто нас с оружием пустит в метро? Ты об этом подумала?

– Ну, это я постараюсь уладить. – Танька прищурилась, что-то соображая, затем придвинулась к Шестакову и заговорщицки сказала – А бюрократ твой, пожалуй, прав. Выправь там у них какую-нибудь бумажку. Чтоб с официальным названием, счет благотворительный открой. Все полегче с формальностями будет.

– С каким еще названием?

– Я не знаю, придумай что-нибудь звучное... и боевое.

– «Рэмбо и Носатая», – сразу же предложил Шестаков. – А что, по-моему, очень боевое.

– Нескромно и слишком прозаично, – отрезала Татьяна. – Лучше так. Какая это у нас линия? Кировско-Выборгская?

Вот пусть и будут: «Выборгские крысоловы». Ну, как тебе?

Пришлось признать, что очень неплохо.

– Сразу представляешь что-то сказочно-героическое, – заметил Миша.

– Точно, – согласилась Носатая. – Причем распределим сразу: подвиги тебе, а сказки – мне.

– Какие сказки?

– Сразу видно, Рэмбо, что ты – человек некоммерческий.

– Есть такой грех.

– Я же уже сказала тебе: правильно проведенная рекламная кампания – залог успеха.

– Так ты что, меня будешь рекламировать?

– Угу. – Татьяна откусила огромный кусок торта и изрядно измазалась кремом. – Народ страшные истории про метро рассказывает, а мы будем встречные слухи пускать. – Она быстро облизнулась и горячо продолжала: – Не будем ничего скрывать. Да, в метро орудуют крысы, да, было несколько случаев нападения на людей. Совсем другой поворот. Во-первых, крысы – это уже что-то реальное, гадость, конечно, но все-таки – не какие-то там призраки и «барабашки». Во-вторых, человек любит, чтобы о нем заботились... Ну, вспомни, по телеку в рекламе через слово: «мы помним о вас», «мы поможем вам», «мы хотим, чтобы вы жили долго». Клиент распускает слюни и покупает полные карманы каких-нибудь дерьмовых мульти-пульти-супер-пупер-витаминов, от которых ни толку, ни проку, одна изжога...

– Слушай, ты что, на курсы по рекламе ходила?

– Жизнь научила, – отмахнулась Татьяна, – не перебивай.

Так и мы скажем: «Да, было опасно. Но теперь о вашей безопасности позаботятся наши бесстрашные парни – „Выборгские крысоловы“!»

– Ты еще дудочки перед входом начни продавать, – тихо заметил Миша.

– Какие дудочки? – недоуменно спросила Петухова.

– Да это я так, про крысоловов. Был один такой. Все с дудочкой ходил. – Шестакову было стыдно признаться, что он не помнил, как было имя того мужика, про которого ему давным-давно рассказывал Валерка. Что-то, кажется, на «г». В общем, дело там кончилось плохо. Денег ему не дали или еще чем обидели... А он взял и детей всех увел. За своей дудочкой. «Черт, я запьянел, что ли?» – подумал Шестаков.

– Рэмбо, ты меня слушаешь?

– Да, да, я просто задумался.

– Давай-ка я тебя домой отвезу, – предложила Татьяна, внимательно глядя на него. – А завтра встретимся и договорим.

– Давай, – махнул рукой Миша. На самом деле он не был так сильно пьян. Ему просто расхотелось думать, ходить, говорить...

– Славик! – крикнула Танька в сторону стойки. – Мы уходим. Будешь водилой.

Сидя рядом с Носатой на заднем сиденье ее «БМВ», Ше-

стакан вяло размышлял о том, что вот... женщина... она, так сказать... для души... а не для работы... а вот... Танька... например... она... для дела...

Свежий ветерок быстро привел его в чувство.

– А ты действительно очень на Рэмбо похож, – призналась Носатая.

– Не, мне до него не дотянуть.

– Почему? Бухаешь много?

– Нет. Голеностопы слабые. Я ноги все время подворачиваю.

– Да ну? – удивилась Танька. И как-то очень по-матерински вздохнула.

Высаживая Мишу около его дома, Носатая черкнула что-то на листке.

– Звони мне завтра, прямо «на трубку». Вот номер.

– Слушай, Петухова, а может, тебе и тоннелями затопленными заняться? С твоей энергией ты любую подземную реку перекроешь.

– Посмотрим, – серьезно ответила она, – вначале с твоими крысами разберемся.

«БМВ» лихо рванула с места и исчезла за поворотом. А Миша пошел домой – пить крепчайший чай и соображать, сколько ему нужно видекамер круглосуточного слежения, винтовок, приборов ночного видения и, главное, людей, из которых должны получиться «Выборгские крысоловы».

Глава четвертая

СССР

С момента их знакомства прошло ровно две недели.

Вечно мрачный Шестаков и любознательный Мухин прочно вошли в жизнь Савелия Сергеевича. Уже почти все сотрудники узнавали по телефону голос Толика, на «Политехнической» СССР проходил в метро бесплатно, а Витек Гмыза собственноручно написал для сестры Профессора рецепт «корейской капусты».

А результаты?

Единственным пока и самым неожиданным результатом была, извините, беременность Матильды. Несчастное животное, пережившее тяжелейший стресс из-за вынужденного побега, оказывается, подверглось насилию со стороны грубых диких тварей! И, мало того, этот инцидент имел последствия! Профессор переживал ужасно. Матильда же, придя в себя по возвращении домой, казалось, напрочь забыла о своем приключении. Она с аппетитом принимала пищу, гоняла по длинному коридору морскую свинку Дуську и на прежней скорости удирала от обоих котов, не обращая внимания на злополучные «последствия», потихоньку расправлявшие ее брюшко.

В лаборатории был полный (как это метко назвал бы Виктор Гмыза) «тухляк».

Крысы, как и положено по науке, попривыкнув к ловушкам, начали исправно попадаться. Сбылись Мишины ядовитые слова: Савелий Сергеевич действительно стал «торчать на работе до ночи». После аккуратных, чистеньких лабораторных подземные родственники Матильды вызывали у Профессора чувство брезгливости. Вскрывать эти блохастые и грязнейшие экземпляры приходилось в отдельном «боксе», соблюдая все меры предосторожности, – за один особо урожайный день, например, у Профессора запросто уходило до трех пар отличных финских одноразовых перчаток. Как-то вечером в комнату к СССР наведалься начальник лаборатории, заинтересованный столь внезапным проявлением трудового рвения своего сотрудника.

– Савелий Сергеевич, – ласково начал он, – да вы, никак, мой дорогой, за кандидатскую взялись? Не поздновато?

СССР натужно покраснел. И поскольку врать не умел во все, принялся что-то длинно и путано объяснять про эволюцию генотипа, подавление метаболизма антропогенными факторами и прочие тонкие материи. Ему удалось быстренько забраться в такие дебри, что начальнику осталось лишь покивать с умным видом и уйти, пожуриив напоследок за неэкономное отношение к материалам и оборудованию.

Нет, не приносила Профессору эта работа никакого удовлетворения. Ищи то, не знаю что. Приходилось потрошить и проглядывать от кончика носа до кончика вонючего коричневого хвоста каждую пойманную крысу. Если они на самом

деле носители какого-то галлюциногена или отравляющего вещества, то:

- где-то оно должно вырабатываться;
- где-то оно должно храниться;
- как-то они его должны выделять в воздух (плевать или пукать, в конце концов!).

Десятки выпотрошенных грызунов – и ни одного ответа.

К середине второй недели Савелий Сергеевич решил немного развеяться, а заодно и попытался подойти к проблеме с другой стороны. Он взял на работе несколько дней отгулов и решил еще раз встретиться и поговорить с пострадавшими. Ну, не со всеми – с кем удастся, кто будет не против. Миша эту затею не одобрял, но вызвался ехать с ним.

– Простите, Михаил, – как можно мягче отговаривал его СССР, – ни в коем случае не хочу вас обидеть, но разговор предстоит доверительный, я бы даже сказал – интимный. А вы с людьми разговариваете несколько резковато.

– Угу, угу, резковато! – подхватил Толик. – Это у него с ментов еще осталось. Бывало, войдет, только поздоровается, а ты уже чувствуешь себя главным подозреваемым!

– Муха! А в глаз? – Шестаков почти привык к тому, что Толик «спелся» с Профессором, но иногда эта парочка его сильно раздражала.

– Вот! Я же говорил!

– Не ссорьтесь, друзья мои! Михаил, поймите, мне кажется, будет полезно поподробнее узнать об этих людях.

– Зачем?

– Может быть, это поможет разобраться в механизме действия галлюциногена...

– ...которого еще никто не нашел, – язвительно добавил Шестаков.

– Не беда. Найдем.

И вот уже три дня парадный плащ СССР (темно-синий югославский, надевается для официальных встреч, вполне еще хорош, пятнадцать лет назад жена в Военторге покупала) мелькал то тут, то там по всему Питеру. Под мышкой у Профессора была зажата уже знакомая нам черная папочка. Люди шли на контакт в основном охотно. В наше суетливое время не так уж много найдется желающих выслушивать чужие заморочки. А как раз слушателем Савелий Сергеевич был самым благодарным. После каждого визита, примостившись на какой-нибудь лавочке или подоконнике, он добавлял своим куриным почерком несколько фраз к сухому описанию происшествия.

В целом картина получалась ясная. Может быть, даже слишком ясная для такого сложного явления, как галлюцинация.

Для начала Профессор отделил описания происшествий в вагонах от случаев на платформах. Хотя бы потому, что последние имели, как правило, более тяжелые последствия. Два случая со смертельным исходом – обезумевшие люди толкали пассажиров под поезд. И неизвестно, сколько еще

невьявленных трагедий, когда некого уже было спрашивать, почему человек упал на рельсы. К тому же на платформах галлюцинации имели другой масштаб, что ли... Взять хотя бы последний случай, когда ветеран войны, заслуженный учитель РСФСР, принял подходящий поезд за фашистский танк. Руки пожилого человека тряслись, а лицо пошло красными пятнами, когда он рассказывал об этом Савелию Сергеевичу. Беседа вышла недолгой, так как родственники ветерана сильно беспокоились о его здоровье. Но СССР успел узнать, что подобный эпизод – то есть человек один на один с танком, гранаты кончаются – уже был в жизни старого солдата. И навсегда остался в памяти.

– Я много пожил, много повидал, – признавался ветеран, – но так страшно, как тогда, в сорок втором, никогда не было. А вот теперь – такая напасть! Как наяву все увидел!

Удивляла яркость впечатления. Пострадавший почувствовал даже жесткую сухую траву под рукой.

У всех случаев, происходивших в вагонах, была одна общая особенность. Толчком к галлюцинации обычно служила какая-то незначительная деталь. И далее – словно срабатывал некий катализатор.

«Пострадавший С.

В 10.30 вошел в поезд на станции «Гражданский проспект». Сел примерно в середине вагона. Газету купить не успел, поэтому стал просто рассматривать пассажиров. Пря-

мо перед ним стал мужчина в темно-сером плаще. Буквально через несколько секунд С. почувствовал сильный страх. Причем не перед человеком, а именно перед этим плащом. Глухая застежка, необычно тяжелая ткань. Спустя короткое время С. догадался, что плащ – просвинцованный. Поднял глаза и увидел, что лицо стоящего закрывает респиратор. Откуда-то в руках у мужчины появился дозиметр. Он навел его на С. Судя по сильному треску, С. догадался, что получил огромную дозу облучения. В ужасе нажал кнопку экстренной связи «пассажир – машинист». Снят с поезда на станции «Академическая». Госпитализирован. Алкоголем не злоупотребляет. Ранее ни в семье, ни у самого С. психических отклонений не наблюдалось. Полностью пришел в себя через сутки».

Сам Игорь Статицкий рассказывал эту историю гораздо красочней. Ему ли не знать, как трещит дозиметр в ста метрах от четвертого энергоблока...

«Пострадавшая Д.

Ехала на работу с обеденного перерыва. Села в первый вагон на станции «Академическая». Немного опаздывала, поэтому не успела дома покрасить губы. Достала пудреницу, губную помаду. В зеркальце увидела свое лицо, стареющее на глазах. Хорошо запомнила, как мгновенно поседели волосы и провалился беззубый рот. Сильная истерика. Госпитализирована «Скорой помощью» со станции «Политехниче-

ская». Пришла в себя через десять часов. До сих пор устойчивый страх перед зеркалами. Алкоголем не злоупотребляет. Ранее ни в семье, ни у самой Д. психических отклонений не наблюдалось».

Красивая, моложавая дама. Ни за что не дашь ей ее сорока семи. Сильный характер, ответственная должность. Полгода назад вышла замуж за человека младше ее на пятнадцать лет.

«Пострадавшие братья С. Близнецы. 43 года. Живут в Ленинградской области. Приехали в Санкт-Петербург в гости. Вышли из пригородной электрички. Пережидали толпу, купили пива, покурили на платформе. Вошли в метро на конечной станции „Девяткино“. Сели в первый вагон. Напротив сел мужчина в мохнатом свитере зеленого цвета. Буквально через несколько секунд после отправления поезда практически одновременно братья обратили внимание на этот свитер. Оба видели, как шерсть превращается в водоросли, лицо сидящего человека бледнеет и раздувается. Одновременно вагон начал наполняться водой. При подъезде к станции „Гражданский проспект“ они уже сидели в затопленном вагоне, полном утопленников. Прибывший врач зафиксировал шоковое состояние и сильнейший бронхоспазм. У одного из братьев остановилось дыхание. Госпитализированы в тяжелом состоянии».

Поговорить ни с одним из братьев Спицыных Профессору не удалось. Их лечащий врач, удивительно любезная и

сообразительная дама, охотно сообщила, что подобные случаи хоть и крайне редко, но все же наблюдаются у однойяцевых близнецов. Причину внезапного помрачения рассудка у двоих взрослых, здоровых крепких мужиков врач видела в неумеренном потреблении суррогатного алкоголя.

СССР не угомонился, а съездил в родную деревню Спицыных, где и узнал, что, во-первых, братья никаких суррогатов век не пили, да и зачем, когда дома завсегда в шкафу «четверть», не меньше, родного, «картофельного». И во-вторых, что отец близнецов утоп, уж годков тридцать как. Пошел купаться да, видать, в тине завяз. Только через десять дней его к берегу и прибило. Мальцы его как раз по берегу шастали. Ну и нашли. Переживали тогда шибко.

«Заметим, что пострадавшие – в основном мужчины. Не наблюдалось ни одного случая галлюцинаций у детей», – написал Савелий Сергеевич на отдельном листке.

– Ну и что? – нетерпеливо спрашивал Шестаков, быстро листая папку. – К чему нам эта лирика?

– Как это к чему? – СССР, как обычно в разговоре с Мишей, начал багроветь. Он совершенно не привык, чтобы его труды обзывали «лирикой» и относились столь легкомысленно. – Вы что, не видите закономерности?

Разговаривать было страшно неудобно. В комнату непрерывно входили и выходили люди, приносили какие-то ящики, что-то постоянно спрашивая у Шестакова.

– Знаете, Михаил, я лучше попозже зайду, – предложил СССР.

– Хорошо, – как-то слишком равнодушно отозвался Миша. – Да, а как с уловом быть? Сегодня три штуки попалось. И вчерашних две. Заберете?

– Заберу, – покорно ответил Профессор.

К вечеру подсобка уже не так сильно напоминала штаб, как днем. Толик уютно пил чай, вяло переругиваясь с Шестаковым. Миша выглядел уставшим, но глаза его глядели весело.

– ...Завтра подписываю последние бумаги – и вперед, – говорил он Мухину.

– А по-моему, ты торопишься, – заметил Толик, отставляя пустую чашку. – У нас и доказательств почти нет.

– Все вопросы к товарищу Профессору. – Миша сделал в сторону СССР широкий приглашающий жест.

Почему-то именно это равнодушно-ироничное движение ужасно оскорбило Савелия Сергеевича.

– А знаете, Михаил, – чуть срывающимся, звенящим голосом начал он, – а вы ведь зря так легкомысленно от меня отмахиваетесь. И сейчас, простите, вы напоминаете мне ребенка, который, увлекшись новой игрушкой, задвигает в угол старую.

– Игрушки? – пришла очередь побагроветь Шестакову. – Ну и сравненьица у вас, господин Профессор!

– Ага! – страшным голосом произнес СССР. – Вот уже

«господин», а не «товарищ»!

Мухин, в предчувствии скандала, переводил умоляющий взгляд с Профессора на Мишу, но не мог произнести ни слова.

– Вас не устраивает мое сравнение? Я могу привести другое, и даже не одно. Вы, вероятно, относитесь к тем современным господам, которые берутся в одиночку спасать мир? И всерьез убеждены, что главный принцип жизни – неистребимое и всеразрушающее: ввяжемся, а там разберемся! Пора бы уже переболеть этой детской болезнью и начать наконец думать! Думать хоть чуть-чуть, а потом уже действовать!

– Уж не вы ли будете учить меня думать? – Шестаков медленно встал, и у Толика вдруг мелькнула жуткая мысль, что он сейчас ударит Профессора.

– Буду! – срывающимся голосом крикнул Савелий Сергеевич, и сразу стало ясно, что разговаривать в таких тонах он совершенно не умеет. – Уже в течение, как минимум, недели я наблюдаю за вашей активной деятельностью. Не надо быть гениальным провидцем, чтобы понять: здесь готовится боевая акция. Проще говоря, вы собираетесь воевать. Прекрасно! С кем? С крысами! Вот этим! – Нельзя не признать, что Профессору вполне удалось эффектно открыть ящик с винтовками. – И где? На территории противника! В плохо освещенных тоннелях, с массой боковых ходов, низкими потолками, проводами на стенах... Простите, но вы – скверный полководец. Мы не знаем, почему люди сходят с ума в мет-

ро, а вы собираетесь запустить сюда вооруженных неподготовленных людей! Вы не подумали о том, что они могут просто-напросто сгоряча перестрелять друг друга?

Шестаков так же медленно сел. Тысячи самых злых и обидных слов еще вертелись у него на языке. Но теперь все они предназначались ему самому. Страшным усилием Миша проглотил свое самолюбие и глухо сказал:

– Савелий Сергеевич, я болван.

И снова, как две недели назад, СССР сидел за столом и перебирал бумаги в черной папке. Теперь он это делал уже по-хозяйски, кратко комментируя полученные сведения. Он оценил мужественное признание Миши, поэтому старался говорить по возможности мягко и деликатно.

– Я начал догадываться об этом уже после третьего визита... Смотрите. Все галлюцинации имели, так сказать, бытовую окраску... Жуткие, нелепые видения, но совершенно жизненные: утопленники, радиация, серьезная травма... Я не нашел ни одного человека, который бы видел нечто сверхъестественное...

– М-м-м... – Толик хотел было что-то сказать, но лишь вопросительно глянул на Шестакова.

– Простите? – После своего недавнего бурного монолога СССР вернулся в привычный образ интеллигентного человека. – Вы что-то хотели сказать?

– Да... – Мухин помялся. – Вот вы говорите: ничего сверхъестественного. А я помню, что одна женщина... Дав-

но еще... Помнишь, Мишка?

– Калашникова Антонина Васильевна, – по памяти процитировал Шестаков, – дежурная по станции «Площадь Мужества». Остановила эскалаторы. Жертв нет. Только народу много попадало.

– Вот-вот! – Толик смущенно глянул на Профессора. – Мне кажется, она-то как раз полную чертовщину видела...

СССР кивнул:

– Да, да, я понимаю, о чем вы говорите. Яркое, с многочисленными красочными подробностями видение. Врата ада. Я ездил к Антонине Васильевне. Она сейчас живет за городом у матери. Сейчас отвечу. Поймите, когда я говорю о сверхъестественном, я имею в виду образ или ситуацию, которым неоткуда взяться в нашей реальной жизни. То есть вы можете прочитать на ночь бредовую статейку в газете, затем лечь спать и во сне увидеть зеленого инопланетянина с тремя глазами. Но все это – плоды чьей-то глупой фантазии. Здесь же мы имеем дело с одной из самых устойчивых и тщательно – веками! – разрабатываемой идеей.

– Какой? – не понял Миша.

– Религией. Мне удалось поговорить не только с Антониной Васильевной, но и с ее матерью. Это очень пожилая и строгая женщина. Самое главное, что они – староверы. Настоящие, ортодоксальные, для которых загробная жизнь – такая же реальность, как для вас, Михаил, простите, Уголовный кодекс.

– Почему «простите»?

– Я побоялся, что вас может обидеть такое сравнение...

Шестаков только махнул рукой:

– Ничего. Я, кажется, понял, к чему вы клоните. Все эти, м-м-м, черт, потерпевшие... короче, каждый увидел то, чего больше всего боялся?

– Именно! Вот это-то и странно. Я проглядел литературу, правда, очень наспех, но не нашел описания галлюциногена с подобным действием. То есть когда или из подсознания, или из глубин памяти вытаскивается самый большой страх. Далее... Я много думал... – СССР покопался в папке, достал из нее листок и положил сверху. – Чтобы не утруждать вас длинными рассуждениями, я просто сообщу свои выводы. Удивительные, надо заметить, выводы... – Тут он снова перебил сам себя, и Миша подумал, что Профессор хоть и пообещал не утруждать, но говорит на самом деле ужасно длинно, если не сказать – занудно. – Это даже не назвать выводами. Это скорей констатация странностей. Итак. Во-первых. Неожиданность появления феномена.

– Ох, Савелий Сергеевич, мы же не научную статью обсуждаем! – взмолился Толик. – Давайте на русский разговорный перейдем.

– Хорошо... Сейчас... сейчас... – СССР прокашлялся и начал довольно бойко: – Ни с того ни с сего люди в метро начинают видеть кошмары. – Для убедительности он даже начал загибать пальцы. – Видят они то, чего больше всего

боятся. Это необычно, и это во-вторых. И третье. Вам не показалось странным, что пострадавших не так уж много?

– Чего-о? – Шестаков ожидал от Профессора чего угодно, но только не такого нелепого вопроса.

– Я исхожу из логики. Если этот предполагаемый странный галлюциноген существует, то воздействует он явно через дыхательные пути. Проще говоря, это газ.

– Ну! – Толик, похоже, ухватил мысль, потому что глаза его загорелись.

– Я специально спрашивал пострадавших: были ли рядом еще люди?

– Конечно, были, метро все-таки...

– Вот и они отвечали так же! – СССР вскочил. – Тогда почему с остальными ничего не произошло? У нас всего два случая, где больше одного пострадавшего! Вот... Братья Спицыны... И еще... минутку... Юргачев и Половцев. Все. Если взглянуть в целом, можно утверждать: действию галлюциногена подвергаются не все, а только сильные, цельные, волевые люди.

– Откуда же у них кошмары, если они такие сильные?

Профессор посмотрел на Шестакова, как на ребенка:

– Михаил, уж вы-то должны знать, что смелый человек не тот, кто ничего не боится, а тот, кто умеет преодолевать свой страх... Это азбучная истина...

– Но... тогда получается полная чертовщина! – не выдержал Мухин. – Выходит, эти гады еще выбирают себе жертв?

– Не думаю, что все так сложно. Я бы сказал, что мы просто имеем дело с избирательным действием какого-то вещества.

СССР замолчал, вглядываясь в лица Толика и Миши. Оба сидели, задумавшись. По лицу Мухина можно было сказать, что он просто переваривает полученную информацию. Шестаков же мрачнел на глазах.

Профессор решился нарушить молчание:

– Теперь вы понимаете, Михаил, почему я так настойчиво пытался с вами поговорить? Вы ведь, кажется, создаете некую боевую группу? Я бы посоветовал крайне осторожно набирать людей. Пока мы не знаем, как защищаться от этого галлюциногена...

– А если просто – противогазы? – оживился Толик.

– Шикарная мысль. – Миша оперся подбородком на руки, поэтому голос его звучал глухо и обреченно. – Противогазы, приборы ночного видения и винтовки с оптическим прицелом. Уж лучше сразу заказывать скафандры.

– Нет, нет, я имел в виду совсем другой способ...

– Какой?

– Постараться найти людей, не подверженных этому действию.

– Час от часу не легче! – Шестаков опять начинал злиться. – Что ж мне, детей в команду набирать? Если все, как вы говорите, волевые и цельные, начинают биться в истерике, на хрена мне толпа хлипаков и сопляков?

– Куда ни кинь, всюду клин... – грустно констатировал Мухин.

– Да нет же! – СССР замахал руками. – Все можно сделать проще. Нужно сразу отсеивать кандидатов с затаенными страхами. Не может быть, чтобы каждого смелого человека в детстве напугали лягушкой!

– И как это проверить?

– Ну, уж такие методики нашей медициной давно отработаны! Обыкновенный гипноз! Погружаем человека в транс и спокойно выясняем, чего он боится.

При слове «гипноз» Шестакова аж перекошило. В голову полезли какие-то смутные и неприятные ассоциации с Поплавским...

– Ну уж, хрен! Еще и этих шарлатанов сюда ввязывать!

– Почему же шарлатанов? Вы случайно не путаете с экстрасенсами?

– Не делайте из меня идиота! Я знаю, что говорю! Терпеть не могу, когда серьезное дело превращают в балаган!

СССР озадаченно переводил взгляд с Толика на Мишу, стараясь понять причину столь негативного отношения к гипнозу. Мухин пожал плечами: он тоже не понимал Шестакова.

– Миш, чего ты так взъелся? Мне кажется, Савелий Сергеевич прав...

– Прав, прав... – передразнил Миша. – Все вокруг правы, один я – кретин!

– Пожалуй, пора по домам, – примиряюще предложил СССР, поднимаясь.

– Ага. Поздно уже. – Толик старательно потянулся и широко зевнул. Может, чуть-чуть шире, чем следовало бы. Раздался противный хруст, и Мухин остался с открытым ртом. Он выпучивал глаза, махал руками, но ничего не мог поделать.

– Ты чего?

– А-э-о-у-а-ы-о! – нечленораздельно ревел Толик.

– У него челюсть защелкнуло! – сообразил СССР.

Шестакова прорвало. Он хохотал как безумный и пока Толик очумело носился по комнате с незакрывающимся ртом, и когда за ним начал бегать Профессор, и продолжал подкряхтывать от смеха даже после того, как все благополучно закончилось. Савелий Сергеевич поймал несчастного Мухина и что-то нажал у того около уха. Рот захлопнулся с плотоядным компостерным звуком.

– Спасибо, Муха, – от души поблагодарил Миша, отсмеявшись. – Век так не веселился. Ты это специально?

– Дурак, да? – сквозь зубы сказал Толик. Теперь он боялся широко открывать рот.

– Все равно – смешно, ты уж извини. Ладно, пошли по домам.

По дороге Толик, чувствуя, что несколько разрядил общее напряженное настроение своим конфузом с челюстью, решил немного поболтать.

– Как поживает Матильда? – Бодро осведомился он у Профессора.

Миша тут же метнул в Мухина один из своих молниеносных колючих взглядов, смысл которых каждый раз ускользал от СССР.

– А я разве вам не говорил? – О своей любимице Савелий Сергеевич мог говорить когда угодно. – Матильда ждет... У нее будут... Хм... Хм... – СССР запутался в деликатных словах. Не говорить же, в самом деле, что «мы ждем прибавления семейства»!

– Залетела хвостатая? – с ходу сообразил опытный Шестаков. – И кто папаша? Какой-нибудь крыс Лоренца экзотический, или на стороне нагуляла?

Душевное единение моментально испарилось, а Профессор с Мишей вновь оказались по разные стороны бытовой баррикады, испокон веков разделявшей интеллигенцию и народ. СССР ошарашенно смотрел на Мишу, не зная, чем ответить на грубость, и привычно недоумевая, что вообще его связывает с этим кондовым хамом.

– Вы... Вы... – бессильно повторял Профессор.

– Жлоб ты, Мишка, – с горечью констатировал Мухин, – вечно все опошлишь...

– Да ладно вам нюни распускать! – Агрессивный Шестаков имел свои представления о пошлости. – Я кого-то обидел? Оскорбил? При даме матерно выругался? – Мише приходилось перекрикивать шум поезда, поэтому он почти орал

на Толика с Профессором. – Гуманисты хреновы!

Поезд остановился на «Площади Мужества». В наступившей тишине четко прозвучал чуть подрагивающий голос СССР:

– С каких это пор «гуманист» в нашей стране стало ругательством?

– Да ни с каких! Просто мутота эта ваша надоела! «Ах, Каштанка!», «ах, Муму!», плачем-надрываемся, а собаку бездомную на улице увидел – отстреливать, отстреливать, она заразу всякую разносит!

– Что-то не пойму я вас, Михаил, к чему это?

– Ну, что тут не понятного? Сами-то крысочку себе завели, еще имя какое-то похабное подыскали, в рукаве ползать разрешаете, тьфу, гадость... А на работе небось таких же бленьких, безымянных режете не задумываясь!

СССР бессильно развел руками:

– Я не знаю, что вам возразить...

– И не надо мне возражать! Трендеть надо меньше! – Справедливости ради заметим, что Миша употребил слово посильнее, чем просто «трендеть», но тут же спохватился и извинился перед Профессором. – Да я, собственно, не на вас наускаиваю. Мне просто с детства тошно было читать все эти сопливые книжки. Зачем-то напяливают зверью человеческие чувства... И вот рассусоливают про то, как какой-то блохастый барбос лежит под хозяйским креслом и что он там себе думает. Да ни хрена он не думает! Животные хотят

есть, пить и... блин, размножаться! И я хочу того же! Все хотят жить. Поэтому комар кусает меня, а я ем бифштекс. По-честному.

– Да кто же вас упрекает в нечестности?.. – опять попытался встрять Савелий Сергеевич, но Толик сделал умоляющие глаза, и Профессор замолчал. Он еще не привык к шестаковским монологам «за жизнь».

– Э... – Миша порылся в карманах, достал пачку сигарет, несколько секунд задумчиво смотрел на нее, потом снова убрал. Продолжение следовало: – Включаю тут недавно телек. Ежкин кот! Жуткая бабища хвастается, как она мило животных защищает! И шубы натуральные не носит, и мяса не ест... Потом сказали: оказывается, это Брижжит Бардо! Делать старой дуре нечего! Хоть так, а на экран вылезла. И что? Ладно, фиг с ними, с шубами, хотя... насчет кроличьей ушанки я бы с ней поспорил... А вот насчет мяса – извини-подвинься! Во-первых, я без мяса ноги протяну. А во-вторых – какого черта? Почему мне корову должно быть жалче, чем картошку? Растения – они ведь тоже живые? А, Профессор? Если морковка на меня не глядит печальными глазами, значит – ничего, можно хавать?

– Слушай, – не выдержал Толик, – ты нас совсем запутал. Брижжит Бардо-то тут при чем?

– Не знаю, – выдохся Миша, – просто не верю я им. От обжорства это у них, не от души...

Все немного помолчали, а потом Мухин, похлопав глаза-

ми, непонятно к чему задумчиво произнес:

– А я читал, что в Китае самый большой деликатес – это мозг живой обезьяны.

И снова все промолчали, а Профессор заметно содрогнулся.

Увлечшись разговором, все так и ехали вместе. Автоматически пересели на автобус, снова зашли в метро на «Лесной».

– Муха, – съехидничал Шестаков уже на подъезде к «Чернышевской», – ты это по рассеянности так далеко заехал или кого-то из нас домой провожаешь?

Толик покраснел как рак. Обычно он, ничуть не стесняясь, мог зарулить к Мишке – и посидеть-поболтать, и поест, да и переночевать. Но сейчас, видимо, в присутствии СССР, Мухин ужасно засмутился и залепетал что-то невразумительное про забытые ключи, вредную соседку и чье-то мусорное ведро. Следом и Профессор, моментально почувствовавший неловкость, зарделся и тоже забубнил какую-то светскую чепуху:

– Толя, если вам... я подумал... негде ночевать... У меня, правда, только одна комната, но большая... пожалуйста, не стесняйтесь...

Все это сильно смахивало на дурной провинциальный водевиль. О чем Шестаков и не преминул сообщить исполнителям дуэта. Причем в грубой форме. Сам же захохотал, хлопнул Толика по спине и добродушно сообщил Профессору:

– Не волнуйтесь вы так, Савелий Сергеевич. Это Муха прибуднется. Есть ему где ночевать, есть. Сейчас приедем ко мне, выдам ему сосисок с пивом, дежурную раскладушку... Все путем! А к вам... Ну как же можно? Мухин знаете какой беспокойный постоялец? Он телевизор полночи смотрит, курит, как паровоз, а потом кашляет, как чахоточный... А у вас Матильда – в положении, ее нельзя беспокоить.

СССР до самого дома анализировал Мишины интонации, но так до конца и не понял, чего там было больше – издевки или простецкого юмора.

Глава пятая

Миша

– Вот она. Смотри.

– Вижу. – Шестаков придвинулся поближе к телевизору.

Темное пятно в углу экрана зашевелилось, и прямо на Мишу вдруг глянули блестящие крысиные глаза. Тварь пошевелила усами, поводила носом туда-сюда, будто позируя. Потом, решив, что неведомые зрители вполне насладились этим зрелищем, спокойно направилась вдоль узкой платформы. «Девяткино». Конечная станция. Именно там поезда стоят совсем рядом. А это как раз та узенькая платформа между ними, по которой обычно проходят машинисты. «Так, так, голубушка, – подумал Миша, – и что тебе здесь понадобилось?»

Таймер в углу показывал 6.02 сегодняшнего утра. На пассажирской платформе стояло человек пять, все – довольно далеко от камеры. Крысу никто не замечал.

Изображение чуть-чуть дрогнуло, и тут же на экране появился вышедший из тоннеля поезд. А поскольку запись велась сразу с двух видеокамер, то во втором телевизоре поезд въехал снизу прямо в кадр. Крысу, похоже, ничуть не беспокоил шум (Миша с Толиком его тоже не услышали – съемка шла без звука). Она спокойно двигалась вперед. Мише на секунду стало не по себе от такой уверенности, если не

сказать наглости, обыкновенного грызуна. Пришлось срочно освежить в памяти научно обоснованные доводы Профессора – дескать, и зрение у крыс очень слабое, а значит, не то что позировать, а и просто заметить видеокамеру она не могла. Поезда не испугалась – так небось не один десяток поколений родился и вырос под стук колес. Среда, так сказать, обитания... Но мороз по коже все равно продирает. И злоба поднимается – голыми руками бы душил!

– Подожди, я кассеты переставлю, так лучше видно будет, – засуетился Толик, останавливая запись, – все ведь на том конце платформы случилось.

Мухин ловко манипулировал кнопками видеомагнитофонов. Теперь на левом большом экране крысу было почти не разглядеть, если не знать точно, что она шагает вдоль платформы.

Да, на Центр управления полетами скромная двухкомнатная «хрущевка» похожа мало. Стараниями мадам Петуховой две видеокамеры круглосуточно снимают все, что происходит на платформах «потенциально опасных» станций – от «Девяткино» до «Площади Мужества». А вот просматривать приходилось пока так: слева стоял приличных размеров «Sharp», а справа – увы, пока только музейного вида «Волхов-2» с экраном чуть покрупнее современных электронных часов. Носатая каждый раз клянет себя за забывчивость, но второй нормальный телевизор так и не привозит. Этот ископаемый «Волхов» – местный, в смысле – хозяйский. Когда

Шестаков с Петуховой искали квартиру под штаб «Выборгских крысоловов», плотный краснолицый старикан со смешным отчеством Ардальонович горячо убеждал их, что лучше и дешевле квартиры они нигде не найдут. Особенно убедительно звучали аргументы: «А мебель? А холодильник? А телевизор?», приводимые с непередаваемым одесским акцентом.

Самым ярким представителем «а мебели?» был трухлявый трехместный диван. Трехместный не в каком-то извращенно-эротическом смысле, а в смысле трех намертво продавленных углублений, просиженных неизвестными друзьями хозяина за долгие годы. Ни лечь в принципе, ни сесть на диван как-то иначе, нежели в одну из этих трех выемок было уже невозможно. Не искушенный в таких тонкостях Мухин пару раз промахивался, изрядно пострадал и с тех пор предпочитал стулья.

В неведомой породе холодильник – явный ровесник «Волхова» – помещалась упаковка сосисок и ровно две бутылки пива. Не больше. «Неслабыми жрунами были наши предки», – задумчиво произнесла Носатая, разглядывая доисторическую холодильную установку. После чего предложила хозяину либо перевезти местами облупившегося белого динозавра куда угодно за ее счет, либо за дополнительную плату выбросить. Семен Ардальонович слегка обалдел от напористости молодой дамы, но ломался недолго и денежки взял. Вечером того же дня на кухне стоял «новый белорус-

ский» «Стинол». С гораздо большей опаской хозяин квартиры выслушал просьбу Петуховой – поставить на окна решетки. Но и эта проблема решилась в пять минут.

– Не дрейфь, Медальоныч, – задумчиво внушала Татьяна, – мы тут не баксы печатать собираемся. У нас контора серьезная. Опять-таки – аппаратура, документы... А у тебя – первый этаж. Соображаешь? – И добавляла к этому еще несколько хрустящих аргументов из кошелька.

Вскоре Семену Ардальоновичу так понравилось решать все вопросы с помощью денег, что он уже не подчеркивал преимущества, а выискивал недостатки в своем скромном жилище.

– Танечка, – гудел он из туалета, – здесь бачок немного протекает, это ничего?... Ах, и в кладовке – ни одной вешалки!

Ничем больше Петухову заинтересовать ему не удалось, стороны подписали договор аренды и разошлись, довольные друг другом. И с тех пор именно эту квартиру называли: Петухова серьезно – «конторой», Мухин важно – «штабом», а циничный Шестаков попросту – «дырой».

Толик переставил кассеты. Теперь «Sharp» показывал происходящее в начале платформы, «Волхов» – в конце. И если не знать, что где-то там, посередине, шестует крыса, ее уже было не разглядеть.

– Вот, смотри, сейчас машинист выйдет, – торопился Толик.

– Да помолчи ты, сам вижу! Чего ты дергаешься? Вот терпеть не могу – с тобой кино смотреть!

Мухин обиженно замолчал и поерзал на стуле.

Поезд тем временем остановился, из него вышел незнакомый Шестакову машинист. Лицо у него было заспанное и недовольное. Он немного постоял, роясь в карманах, пошевелил губами – то ли жевал что-то, то ли просто выругался вслух. Затем пошел вдоль поезда. Он вот-вот должен был увидеть крысу.

Да-а, режиссер-то оказался слабоват. Запорол самый кульминационный момент. Одного главного героя – машиниста – повернул спиной к зрителям и тем самым полностью загородил второго. Миша аж привстал на стуле. Увы, ни действий крысы, ни лица человека было совершенно не видно. По тому, как остановился машинист, можно было сказать одно: встреча состоялась. Он сильно топнул ногой. Еще раз. Еще. Оглянулся. Миша заметил, как один из пассажиров пихнул другого в бок, показал пальцем: гляди, мол, совсем обнаглели твари.

Изображения шли несинхронно, поэтому на маленьком «волховском» экране крошечный человечек вдали только еще вышел из поезда. Вот. Тоже затопал ногами. Очень скоро появилась и бегущая крыса. За несколько метров до стеклянной будочки она лихо спрыгнула на рельсы и исчезла.

Странно. Машинист все еще нерешительно топтался на месте.

– Ну? – нетерпеливо спросил Шестаков. – Где продолжение?

– Да здесь, в общем, почти все... – Толик казался ужасно виноватым, как будто это именно он был тем самым посредственным режиссером. – Сейчас он побежит. Потом ментовку вызовет...

Миша, нахмурившись, наблюдал за странным поведением машиниста. Тот стоял, держась за ограждение, чуть наклонившись вперед, словно на корабле во время качки. Внезапно он побежал, почему-то все время оглядываясь. Лицо его, мелькнувшее перед камерой, было белым от страха. Глупо предполагать, что крепкого взрослого мужика может напугать какая-то дрянная метрополитеновская крыса. Судя по всему, причиной испуга было Нечто, увиденное им на платформе.

Шестаков специально остановил запись и отмотал назад. Тщательно, покадрово, рассмотрел всех пассажиров. Попутно еще удивился: почему так долго нет поезда в город. Ах, ну да, правильно, на этом обрубке бывшей Кировско-Выборгской линии они теперь очень редко ходят. К тому же запись смотрели с перерывами. На самом деле там, в «Девяткино», прошло минуты четыре, не более. Так. Посмотрели. Пассажиров немного, да и откуда им много взяться в такую рань? Два мужичка, те самые, которые тоже видели крысу, – самые обычные, обычной некуда, мужики. Стоят спокойно, вяло переговариваются. Ранний дачник, явно из серии «подви-

нутых» садоводов, с рюкзаком и связкой палок. Женщина дремлет на скамейке. Все. Остальные три? Да, три человека далеко, около первых вагонов. Ну просто ничегошеньки мало-мальски подозрительного! Впрочем, это рассматривание – дело совершенно бесполезное. Все равно – как ни напрягай свою фантазию – не определишь, что именно стало «затравкой» очередной «крысиной галлюцинации». Вот, кстати, интересный вопрос: а что, если никакой «затравки» не окажется? Пойдет ли человек дальше как ни в чем не бывало после встречи с такой крысой?

Миша посмотрел на экраны. На левом замер стоп-кадр, на правом готовился отбыть в город долгожданный поезд. Машинист больше не появлялся.

Ну что ж, даже такую не слишком качественную, запись вполне можно считать доказательством причастности крыс. Уликой, так сказать.

– Так, – повторил Миша вслух, – здесь больше ничего интересного?

– Не...

– Тогда дальше – своими словами.

– Так что... А, все как обычно. Ужастик, видно, какой-то примерещился. Но главное-то – теперь мы можем...

– Погоди насчет того, что мы можем. С машинистом разговаривал?

– Да. Почти.

– Что значит – почти?

– Ну, то есть он разговаривал, а я – нет.

– Как это?

– Да он такой злой сидел, когда я приехал... Послал меня... – Тут Толик дословно повторил, куда именно послал его машинист. Шестаков поднял бровь и одобрительно крикнул:

– Ядрено.

– Ага. Твоим коллегам тоже понравилось.

– Вот-вот, чуть не забыл! Объясни, зачем ментовку вызывали?

– Там не просто «вызывали», – ехидно передразнил Мухин, – там до группы захвата дело дошло!

– Кого ловили? – деловито спросил Миша.

– Вот этого я и не смог выяснить. Они там все та-ак ругались! Сказали, если я со своими вопросами до... в смысле, приставать буду, меня самого посадят.

– Так-таки ничего и не узнал?

Мухин развел руками:

– Ничего. Но слухи уже поползли. Мне Гмыза сказал, что на «Академической» бомбу взорвали, а менты с автоматами станции обшаривали. Слушай, а чего ты меня допрашиваешь? Позвони своим и спроси!

– Без тебя бы не догадался! А вот ты бы, если поменьше бы гундел, а побольше бы мозгами работал, взял бы и посмотрел записи со следующих станций!

– А... Я... – начал заикаться Толик.

– «Бомба, бомба», – передразнил Миша. – Нашел, кого слушать.

В этот момент у входной двери зацарапались и загремели, после чего раздался длинный злой звонок. Миша раздраженно ткнул на «стоп» и пошел открывать.

– Что за тупые тут замки! – закричали из коридора. – Чуть всю руку не вывихнула! – И тут же, безо всякого перехода: – Слушай, Рэмбо, а может, нам вывеску на дверях присобачить? Золотом: «Выборгские крысоловы»! А?

– Угу, – с готовностью отозвался Шестаков. – И окошко пробить. И посадить Мухина – принимать крыс от населения. По девять «тонн» за кило. Как за «ножки Буша». Ты себе представляешь, сколько сюда бдительных бабулек сразу понабежит?

В коридоре захохотали басом, и в комнате появилась сияющая Носатая в новом кожаном плаще. Верная своему принципу – всегда и всех эпатировать, она и теперь умудрилась откопать исключительно редкий оттенок. При виде этого плаща Толику почему-то сразу вспомнилось детство, первый полет с родителями в Адлер на «ИЛ-18» и цвет пакетов «для тех, кого тошнит».

С Татьяной пришел развязного вида молодой человек с «кофром», который представился сам:

– Пластунский. – Руки при этом никому не подал, а лишь сопроводил свою дурацкую фамилию двумя церемонными кивками в сторону Миши и Толика.

– Вот, Рэмбо, – произнесла Петухова, садясь и тут же закуривая, – корреспондент газеты «Пододеяльник».

– «Под одеялом», – отдельно и с нажимом поправил «корреспондент», и Шестаков обнаружил в себе нестерпимое желание сразу же дать Пластунскому по шее.

– Один хрен! – беспечно махнула рукой Носатая. – Все равно – желтая, как гепатит.

Миша с Татьяной обменялись быстрыми взглядами. «На фиг ты этого хмыря притащила?» – словно спрашивал Шестаков. «Отвяжись, я знаю, что делаю!» – отвечала Татьяна.

Толик заметил этот молчаливый диалог и отвернулся. Его давно грызла большая черная зависть. Как умудряется этот грубиян Шестаков с легкостью находить общий язык с любыми девушками?

– Садитесь, – разрешила меж тем Петухова. – Так вот. Еще раз: разрешите представить. Михаил Шестаков. Анатолий Мухин. «Выборгские крысоловы».

– Главный Крысолов и Крысолов-заместитель, – излишне, может быть, ядовито, добавил Миша. – А вас, простите, как по имени-отчеству?

– Лев. Можно без отчества, – отчеканил молодой человек, и Шестакову показалось, что у того лязгнули зубы.

В этот момент в углу громко хрюкнул от смеха Мухин. Скорее всего его ранимая душа просто не вынесла сочетания «Лев» и «Пластунский».

Корреспондент, хладнокровно пропустив мимо ушей и

петуховский «гепатит», и неприличный звук Толика, сел на стул и достал из «кофра» здоровенный лохматый блокнот. Следующие минут десять прошли в бездарной болтовне, которую Пластунский упорно называл «интервью». Вопросы его отличались крайней глупостью и немереными претензиями. Очевидно было, что этот тонкошейй гнилозубый Лев спит и видит себя новым Стивеном Кингом. Шестаков вяло отбивался, но Пластунский вдруг загнул такое, что даже у Носатой глаза полезли на лоб:

– Считаете ли вы причиной столь странного явления в метро высокую концентрацию сублимированной сексуальной энергии?

Шестаков не нашелся, что ответить.

– О Господи, – выдохнула Татьяна, – а откуда ж она там берется?

– Стекает, – веско ответил Пластунский.

На этом его интервью и закончилось. Шестаков зверским голосом рявкнул:

– Хватит с меня! – И ушел на кухню. Толик забился на край дивана и наотрез отазался отвечать на вопросы. Петухова, с трудом сдерживая смех, выпроводила Льва за дверь.

После его ухода Шестаков еще долго курил и плевался.

– Чего ты психуешь? – Носатая была совершенно спокойна. – Тебе с ним детей не крестить.

– Так он же бред пишет! – Разъяренный Миша бегал по комнате, удивительно похожий на Семен Семеныча Горбун-

кова, только что не в трусах, а в брюках.

– А вот это уж не твоя забота. Без моего разрешения этот мексиканский тушкан ни слова в свое «Одеяло» не тиснет.

– Почему? – удивился наивный Толик.

– Потому что плачу я. Все, мужики, времени мало. Рэмбо, что там у тебя с бумагами?

– Сегодня последнюю «подпису» получаю, и все. «Выборгские крысоловы» – официальная организация. Я подписан – значит, я существую! – гордо продекламировал Шестаков. – И... блин, уже опаздываю! – Он завертелся по комнате, на ходу отдавая Толику последние распоряжения: – Покажешь Татьяне сегодняшнее кино... Потом обязательно выясни, что там все-таки произошло, понял? Можешь позвонить Лелику Шашурину из нашего отделения, скажи – от меня... Через два дня доложишь.

– Почему через два?

– Потому что завтра меня не будет. Приятеля из рейса встречаю. – Последнее замечание было сказано лично Петуховой.

– Хорошего приятеля?

– Хорошего.

– Долго ходил?

– Полгода.

– А-а... – понимающе протянула Татьяна и ехидно добавила: – Ну, тогда одним днем, боюсь, не обойтись...

По лицу Шестакова было видно, что он с удовольствием

бы ответил сейчас какой-нибудь изощренной гадостью, но времени было в обрез.

– Не учите меня жить, – буркнул он, выходя, и, уже на пороге повернувшись к Мухину, добавил: – Да! Позвони сейчас же СССР, пусть быстро дует сюда. Скажи: есть чем похвастаться. Ну, чего? – Толик стоял, переминаясь с ноги на ногу, неуверенно улыбаясь. – Чего еще случилось?

– Савелий Сергеевич, наверное, сегодня не сможет прийти...

– Почему?

– У него... гм, гм... у него Матильда рождает...

Не стесняясь Носатой, Шестаков громко сообщил все, что он думает и о Профессоре, и о роженице. Мда-а, нельзя не признать, что это было тоже... довольно «ядрено».

Привычно заскочив в метро на «Политехнической», Миша уже на эскалаторе сообразил, что поступил довольно глупо. До «Лесной» удобней было добираться на трамвае. «А, ладно, не подниматься же теперь, – подумал он, – хоть пять минут передохну». И стал рассматривать стоящую напротив девушку. И сразу же понял, что отдыха скорее всего не получится. Вначале девушка просто читала газету. Внезапно она подняла голову. Взгляд ее стал нечеловечески сосредоточен. Лицо ожесточилось. На лбу выступили капельки пота. «Черт, – в отчаянии подумал Миша, – неужели начинается?» Он медленно поднялся и осторожно стал рядом с девушкой. Она ничего не замечала, погруженная в свои мысли. Теперь

– внимание. Неизвестно, какая последует реакция. Спокойно. А вот стать лучше сбоку и немного сзади.

На следующей, «Площади Мужества», выходили все. Дальше, господа, только верхом (не в смысле – на лошади, а в смысле – наземным транспортом). Девушка с каменным лицом двинулась к дверям, Шестаков, не отставая ни на шаг, следовал за ней. Ничего. Пока ничего. Миша никогда не видел у людей такой неестественной походки. В кино так ходят ожившие мертвецы.

На эскалаторе они также стали рядом. От напряжения у Шестакова вспотели руки. Девушка по-прежнему держала перед собой газету, но смотрела куда-то в пространство. Миша зачем-то заглянул ей через плечо. В статье под названием «Регулируем оргазм!» и подзаголовком «Это должна уметь каждая женщина», один абзац был жирно обведен зеленым фломастером. Чувствуя себя последним кретином, Шестаков прочел: «Это упражнение удобно тем, что его можно проделывать, стоя в очереди, или во время поездки в транспорте. Медленно сожмите мышцы заднего прохода. Сосчитайте до ста. Так же медленно расслабьте. Повторите упражнение 5–7 раз».

Полтора часа спустя Михаил Шестаков шагал по вытертой ковровой дорожке бывшего исполкома уже в качестве полноценного директора добровольного общества «Выборгские крысоловы». Немного удивляла легкость, с которой были пройдены необходимые формальности. Раньше, помнит-

ся, в детский сад ребенка было не устроить без трех килограммов тяготящихся бумажек. А сейчас – хошь «крысоловы», хошь «бракоделы», только слов побольше в уставе пиши да денежки плати. Кстати, как раз перед Шестаковым подписывала свои учредительные бумаги жандармского вида дама из «Общества женщин-дальтоников».

А далее Миша, вполне довольный и сегодняшним днем вообще, и собой в частности, решил посетить местную столовую. Разделить, так сказать, трапезу со «слугами народа».

Народу в столовой было совсем мало – ответственные товарищи все, видно, уже отобедали. За центральным столиком спиной к Шестакову сидели двое мужчин, что-то оживленно обсуждая. Голоса их показались Мише смутно знакомыми. Проклятая ментовская память защелкала своим компьютером: «Конюшня»? «Щербатый»? Да ну, не напрягайся, эти явно из другой оперы. Хотя сейчас... и чиновника в тюрьме, и бандита в исполкоме запросто встретишь. Фиг с ними. Шестаков перестал обращать внимание на сидящих мужиков и занялся выбором блюд. Пробежав глазами меню и аппетитную витрину, он убедился, что «слуги» по-прежнему питаются лучше хозяев.

За кофе он позволил себе окончательно расслабиться, забыть о проклятых неотвязных крысах и сегодняшнем конфузе. Все его мысли теперь были о завтрашнем мероприятии.

Откровенно говоря, звонок Сашиной матери слегка озадачил. Почему это именно Мишу Шестакова просят встре-

тить Сашу Самойлова из рейса? Познакомились они совсем незадолго до этого рейса, виделись всего несколько раз... Любой бы удивился. Ага! Любой, да не любой. Даже взятые наугад двое выпускников-одногодков Санкт-Петербургского высшего военно-космического летного училища почти наверняка окажутся друзьями. А уж если они после распределения на один «Валдай» попали, да еще и жаргов хорошенько потрянули... Мда-а, это тебе не крыс по тоннелям гонять.

Миша перестал пить кофе. Ему пришлось быстро и незаметно обернуться, чтобы проверить свою догадку.

Те двое все еще сидели за столом. Шестаков наконец понял, почему его удивила их задушевная болтовня и откуда взялась ассоциация с чиновником в тюрьме. Узнал. Ну и ну. Слева, в своем добротном сером костюме, навалился локтями на стол Ромуальд Иванович Хренов. А справа... что-то возбужденно втолковывал ему контрабандист Юра, продажный дружок жаргов, пижон и космический бабник. Кажется, Миша даже присвистнул от удивления, потому что мужчины одновременно обернулись.

– А! Господин Шестаков, если не ошибаюсь? – радостно закричал Ромуальд Иванович. Видно, у наших чиновников своя профессиональная память.

На Юрином лице не отразилось ни малейшего проблеска узнавания, только лишь легкая досада – прервали важный разговор.

Кофе был выпит, бумаги со свеженькими лиловыми печатями и размашистыми росчерками лежали в папке, ничто не задерживало Шестакова в этом здании. Он кивнул Хренову и встал, собираясь уходить. Но Ромуальду, видно, очень хотелось пообщаться.

– Пойдите, пойдите! – Хренов задвигал стульями, пробираясь к Мише. На лице тонкого знатока человеческих душ заиграла лукавая улыбка. – Только не говорите, что торопитесь, я же вижу, что это не так! – Одновременно Ромуальд Иванович подпихивал и Юру, так что у дверей столовой все трое чуть не столкнулись. – Здравствуйте, здравствуйте!

Ах, этот открытый доброжелательный взгляд! Ах, эта светлая «ленинская» улыбка и широким жестом протянутая рука! Десятилетиями вырабатываемый стиль «мудрого вожака». Простой темный пролетарий должен реагировать на такую фигуру однозначно: вначале схватить и крепко пожать протянутую руку, а потом, рванув на груди последнюю рубашку, крикнуть со всей дури: «Веди нас, товарищ, в светлую даль!» И пойти, пойти, пойти... Впрочем, увлеклись. Сейчас, к сожалению, большие проблемы и со «светлыми дальями», и с «темным пролетариатом». Хренов, ничуть этим не заботясь, продолжать гнуть свое и даже умудрился артистично разыграть милую сценку «Владимир Ильич и Михаил Иванович обсуждают с „ходоком“ виды на урожай».

– Вообразите, Юра, какого страху нагнал на меня этот молодой человек! Удивительные, доложу я вам, документы

скрывает эта скромная папочка! – Он бесцеремонно ткнул пальцем в Мишину черную папку. И сразу же переключился на Шестакова: – Как ваши дела? Добились чего-нибудь?

– Добился, – спокойно ответил Миша. – Последовал вашему совету. Теперь мы – официальная организация.

– Ну-ка, ну-ка! – Хренов обрадовался, как ребенок. Особенно восхитило его сообщение о том, что кто-то последовал его совету. – И как вы теперь называетесь?

– «Выборгские крысоловы», – небрежно сообщил Шестаков.

Хорошее настроение еще не покинуло его, и он спокойно поддерживал пустой разговор. Юра стоял рядом, внимательно прислушиваясь. Собственно говоря, «внимательно прислушивался» в Юрином исполнении очень напоминало корову, которая, стоя на лугу, спрашивает сама себя: «Не слишком ли много травы я съела на обед?» Мишу он напроць не узнавал. Что ж, это и не странно. Юра-контрабандист, который мог бы узнать лейтенанта Русского космического флота Шестакова, давно уж был покойником. «Интересно, – вдруг подумалось Мише, – как там сейчас жжарги? Не балуют?»

– Гениально! Вот видите! Я был прав! – В чем именно был прав Ромуальд Иванович, он не уточнил. – Ну что ж, теперь – милости просим ко мне. Попробуем вместе что-нибудь придумать.

– Спасибо. Все, что нужно, мы придумали сами.

– Ну, ну, ну! Молодые, горячие! Гордость! Я понимаю. И что же – и деньги нашли?

– Нашел.

Хренов в запале открыл рот, но сказать уже было нечего. Но тут в разговор включился Юра:

– Стебное у вас название. А почему «крысоловы»? И почему «Выборгские»?

– Так я ж тебе говорю: напугал он меня! – Хренов даже не обратил внимания на то, что вопрос был задан Шестакову. – Вообрази, Юрон, – теперь Хренов уже нисколько не напоминал «продолжателя дела Ильича», а разговаривал как обычный, средней руки, ларечник. «Ох, и многоликий вы наш», – беззлобно подумал Шестаков. Его прекрасное настроение было непоколебимо.

– ...мало того, что тунели затопило, так еще и на оставшихся станциях, говорит, чуть ли не привидения завелись!

В глазах у Юры мелькнул так хорошо знакомый Шестакову наглый жирный огонек.

– Привидения? А ты кто? Колдун?

– А что – похож? – в тон ему спросил Миша.

– Ерунду вы оба говорите! – по-женски замахал на них лапками Ромуальд Иванович. – Юрон, ты не подкалывай человека, а послушай, здесь все гораздо серьезней, и безо всяких шарлатанов! Господин Шестаков, вы сейчас к себе, на «Политех»?

– Скорее всего да. – Мише тут же пришла в голову очень

славная идея: отметить удачный день небольшим фуршетом с Мухиным. Или с Петуховой.

– Вот и отлично! Юра как раз едет в ту же сторону! Он вас подвезет. А по дороге можете его пострасцать, как меня тогда. Ты как, Юрон, не против?

Шестаков с Юрием посмотрели друг на друга с большим сомнением.

В другое время Миша не сел бы с Юрием не то что в одну машину, а даже, выражаясь народным языком, на одном поле естественную нужду справить. Но какое-то непонятное, зудящее любопытство удерживало его рядом с бывшим врагом. Во-первых, живой и невредимый Юрон вызывал у Шестакова вполне реальное ощущение некоей «недобитости». А во-вторых, где-то в глубине сознания ерзала шальная мысль: а вдруг узнает?

Но, судя по всему, Мишино лицо не вызывало у Юрия ни малейших ассоциаций. И вообще, с ассоциациями у бывшего коммерческого, а ныне генерального директора «Петер-экстры» было туговато. Та, космическая, жизнь начисто стерлась из его памяти. А в этой, реальной, каким-то седьмым или двадцатым звериным чутьем Юра понимал, что Шестаков ему больше, чем просто чужой. Но и с этой стороны выиграло любопытство. Страсть как любил Юра всякие истории «с чертовщинкой». На журнальном столике в его офисе джентльменский набор составляли глянцевого номера «Penthouse» и «Playboy» (русские издания) попеременно

с «Очень страшной газетой», «НЛО» и прочей мистической ерундой. Прав был бывший шеф Юрия, покойный Виталий Николаевич Антонов, говоря: «Юра у нас человек многогранный. У него на пузе – крест за шесть миллионов, а в голове – „летающие тарелки“».

Короче, так Шестаков и оказался в сверкающем Юрином «Опеле». Наворочено там было! Кнопки, ручки, мигалки, пищалки и свистелки, четыре колонки по всем углам, а главное – прищлепка-дезодорант очень неприличного вида, пахнувшая то ли земляничным мылом, то ли губной помадой. При этом мрачный громила-охранник вызывал смутные ассоциации с «Убийством на улице Морг».

Разговор не клеился. Да и куда ж ему клеиться, если Юра, усевшись на переднее сиденье, изредка поворачивал голову не более чем на семь градусов влево и заинтересованно гудел:

– Ну-ну, что там у вас?

У Шестакова дико чесались руки – вмазать хорошенько по этому маячившему перед ним жирному красному уху, но он лишь цедил сквозь зубы:

– Да вот, крыс ловим.

– Шалят? – понимающе реагировал Юра.

– Безобразничают.

– Неужели и на людей нападают?

– Постоянно.

– Ну и как?

– Что – как?

– Кусают?

– Со страшной силой. – Мишка плотоядно посмотрел на Юрин затылок. – Нападают сзади, прыгают на шею и прокусывают сонную артерию.

– И часто у вас такое? – Юра от любопытства даже увеличил угол поворота головы до тридцати двух градусов.

– Пять-семь трупов ежедневно.

Тут только Юра сообразил, что над ним издеваются, и замолчал.

Попрощались на «Политехнической» довольно прохладно. «По замашкам – бывший мент», – подумал Юрий, провожая Шестакова взглядом. «Фраер деревянный, – решил Миша. – Тебе лишь бы нервишки пощекотать, а то, что народ в метро заходить боится, – по фигу».

Увы. Шестаков даже не подозревал, насколько жестоко ошибается.

«Сейчас куплю пивка, рыбки – и в „дыру“. Мухин наверняка еще там».

Миша шел вдоль ларьков, приглядывая рыбу посимпатичней. Надо заметить, популярность Шестакова росла не по дням, а по часам. Буквально из каждого ларька зазывно махали руками: угостимся «на халяву»? Ну еще бы! Знаменитый Рэмбо! Фаворит ее величества Носатой! Спешим засвидетельствовать и прочее...

Какой-то вертлявый рыжий парень обогнал Мишу, ост-

ро глянул в глаза, отвернулся, ускорил шаг. Буквально через десять метров Шестаков наткнулся на знакомого продавца Борьку. Тот, пытаясь, выволакивал из «Жигулей» коробку с водкой.

– Здорово, Рэмбо! Слышь, старичок, пособи чуток. На парник заболел, вторые сутки здесь надрываюсь.

Спешить Мише было некуда, поэтому он с готовностью подхватил вторую коробку и пошел за Борькой. Видно, тот и правда сильно намаялся за два дня, потому как шел неуверенно и, завернув за ларек, споткнулся и чуть не упал. Несколько бутылок вывалились из коробки и мягко упали на траву. Борька охнул и облегченно выругался.

– Растяпа, – добродушно заметил Миша. И чисто автоматически наклонился за водкой.

В первое мгновение ему показалось, что бутылка взорвалась у него в руках, брызнув осколками в лицо. Еще через секунду Шестаков понял, что попался на детский дешевый трюк и ему просто-напросто въехали ногой в переносицу.

Били умело и очень зло. Второй сильнейший удар пришелся по спине, и тут же – третий – по ногам. Проклятый голеностоп подвел и здесь. Миша упал на землю, глупейшим образом спросив:

– Вы что, мужики, охренели?

Ответа, естественно, не было. Оставалось только кое-как уворачиваться, прикрывая голову руками. А еще лучше – попробовать встать и если не ответить, то хотя бы спросить:

«За что?» Нападавших было трое, и Миша понял, что с таким раскладом через пять минут встать уже не удастся. Он резко упал на бок, перекатился через спину и резко дернул за ближайшую джинсовую ногу. Надо сказать, вполне успешно. Мужик шмякнулся навзничь, а Шестакову этой крохотной заминки хватило, чтобы встать на ноги. Он был совершенно уверен, что произошла какая-то идиотская ошибка и вот сейчас, увидев его лицо, эти трое остановятся. Ну?

И ни фига подобного.

Они, кажется, еще больше озверели. Положительным моментом можно считать то, что теперь Шестаков стоял и к тому же, как он успел заметить, оружия у нападавших не было. Чувствуя, что начинает звереть, Миша на всякий случай еще раз уточнил:

– Ничего не перепутали, кореша?

– Щас тебе будут «кореша», гнида ментовская, – прошипел один из них.

Так. Соображаем быстро. Ребята, судя по всему, адресом не ошиблись и «мочат» именно того, кого надо. Оружия нет. Значит, убивать не собираются. Значит, «учат». Повторяем навязший в зубах вопрос: за что? Безусловно, адресуя его не этим обаятельным ребятам, с ними говорить уже не о чем. Постараемся понять друг друга без слов. Ну что ж, мужики, Рэмбо, может быть, и не Рэмбо, но что-нибудь из этой оперы и мы умеем. И в этом тут же пришлось убедиться бритому верзиле, попытавшемуся обойти Шестакова спра-

ва. Вот так. Полежи, друг, отдохни. Хорошо поставленный «футбольный» удар в коленную чашечку никогда никого не оставляет равнодушным. Вам в поддых? Получите. Из разбитого носа у Миши текло, как из водосточной трубы. Он утерся рукавом, успел еще пожалеть об испорченной куртке и тут же пропустил удар по правому уху. «Левша?» – удивился Шестаков и тут же получил добавочный – в челюсть.

– А ну – стоять! – загремел вдруг до боли знакомый голос, но в башке так звенело, что и не поймешь – чей.

Бить немедленно перестали. Шестаков поднял голову и увидел стоящую у ларька бледную от бешенства Петухову. Багровый шрам у нее на носу был страшен.

– За что его? – прозвучал наконец наболевший вопрос.

Объясняться вызвался тот самый верзила с ровной ногой (в том смысле, что с коленкой у него теперь будут проблемы). Из нормативной лексики в своей речи он использовал только предлоги и местоимения. Но Шестаков у нас тоже, слава Богу, не выпускница Бестужевских курсов. Он слушал обиженного верзилу, смотрел на Татьяну и понимал, что влип, как дурак в повидлю. Еще лучше он понимал, что в такой ситуации нельзя суетиться. Чем глупее недоразумение, тем тяжелее из него выкручиваться. К тому же – оправдывается виноватый. Азбучная истина.

Мишина судьба топталась на распутье. Или – висела на волоске. Чего хочешь – выбирай. Если Татьяна верит ему, значит, все в порядке, он моментально объяснится. Если нет

– один разрешающий жест, и эти трое продолжают свой воспитательный процесс.

Да уж... Конечно, не в одном десятке драк успел поучаствовать за свою жизнь Миша Шестаков. И не раз эта самая бестолковая его жизнь висела на том самом пресловутом волоске. Но, пожалуй, никогда еще ему не было так стыдно. Стоять с разбитым носом, словно нашкодивший пацан, перед строгой воспитательницей, которая слушает какого-то вонючего ябеду... За эти несколько позорных минут Шестаков успел послать самые страшные проклятия всем выборгским, а также любым прочим крысоловам и помянуть самыми недобрыми словами тех любопытных варвар, которым уже не один век прищемляют носы, а им все неймется...

Носатая тем временем свои выводы, похоже, сделала. Совершенно королевским мановением руки Носатая отпустила воспитателей-костоломов и спокойно предложила Шестакову:

– Поехали в «контору». Тебе умыться надо.

Бесколенный верзила уходил, прихрамывая, и все время оглядывался.

– Иди, иди, – прикрикнула на него Носатая, – и в следующий раз советуйся с начальством!

– Инициативные ребята, – пробурчал себе под нос Шестаков, разыскивая в траве папку с документами.

Мухина в «конторе» не было, да оно и к лучшему. Миша сноровисто замочил куртку в холодной воде, покопавшись

в хозяйской аптечке, нашел даже перекись и занялся своим лицом. Жаль, жаль, но нос скорее всего сломан. Ухо пылало. Разбитые губы придавали лицу детски-обиженное выражение.

Петухова спокойно наблюдала за медицинскими упражнениями Миши, курила, но помощи не предлагала. Железная женщина – ни грамма милосердия.

– Хоро-ош, – протянула она, когда Шестаков наконец появился на кухне. Не ясно только – к чему относилась одобрительная интонация. К творчеству костоломов или результату Мишиного умывания.

Петухова курила, грацизно разместившись на краешке кухонного стола. Прищурив глаз от дыма, она спросила:

– Ну?

Шестаков хотел было иронично приподнять бровь, но скривился от боли и решил, что с мимикой пока можно и повременить.

– Рэмбо, я умираю от любопытства! Не сиди букой, поделись с товарищем – какого лешего ты делал в машине Банщика?

– Я ровно десять минут назад узнал, что он – Банщик, – спокойно ответил Миша.

Истинная правда. И, кстати, информация о том, что Юра и Банщик, оказывается, одно лицо, можно смело прямо сейчас заносить в «Книгу Первых Сюрпризов Королевства». Нет, конечно, еще в ментовские времена Шестаков, без-

условно, слышал о такой крупной фигуре, как Банщик. Известно было, что НАД Банщиком стоит кто-то покрупнее. Но это уже в такой заоблачной выси! – всей ментовке плевать, не доплюнешь. И никто им особо не интересовался. («Не нашего масштаба фигура», – сказал муравей, слезая со слонихи.)

– Откуда ты его знаешь?

Эх, милая, тебе бы сейчас рассказать, откуда... Шестаков потрогал разбитую губу и «пошел в полную отказку»:

– Час назад нас познакомил этот хренов Ромуальд Хренов.

Каламбур получился – что надо. Совершенно неожиданно Петухова заржала басом, и Миша понял, что инцидент исчерпан.

– Да ты пойми ребят, Рэмбо, – уже по-человечески, без металла в голосе, объясняла Татьяна чуть позже, за чаем. – Большой суки, чем эта самая «Петер-экстра», во всем городе не найти. Раньше еще можно было как-то дышать, через щелочки, пока Банщик там только «коммерческим» был. А как полгода назад его шеф умер – все, полный... настал.

– Что – пришили?

– Сам. От инфаркта. Ничего, кстати, был мужик, с правилами. Не то что этот. Если кого можно мимоходом ногой пнуть – в жизни мимо не пройдет.

– Так это что – конкуренты твои?

– Да, каким-то боком... Хотя... нам такие звания не по карману... Величина не та. Для «Экстры» моя «Африка» – не дороже упаковки сосисок. Захотят схавать – схавают, не

подавятся. – Татьяна достала очередную сигарету. – Вот ты говоришь: метро починить... А я, когда тоннели затопило, первым делом – на «Петер-экстру» подумала... Очень на них похоже. В их стиле подлянка.

Шестаков задумался. Он представил себя выходящим из Юриного «Опеля» на глазах петуховских «африканцев». Сейчас уже точно не вспомнишь, но, кажется, они с Юрой даже руки на прощание пожали... Мда-а... Остается только радоваться, что сразу не прибили...

– Давай я тебя домой отвезу? – предложила Татьяна.

– Давай. Только... Подожди, я тут несколько слов черкну. Себе, для памяти. – Миша открыл свою заслуженную черную папку.

– Черный список? – засмеялась Петухова. – Обидки записываешь?

– Не... – Он тоже попытался улыбнуться разбитыми губами. – Мысль пришла интересная.

– Может, ты роман пишешь?

– Может, и пишу.

Около дома Шестаков задумчиво спросил Петухову:

– А почему ты мне поверила? Я же мог оказаться коварным вражеским агентом из «Петер-экстры»?

Татьяна посмотрела на него долгим взглядом:

– У меня интуиция, – веско ответила она.

«Интересно с бабами работать, – решил Шестаков, устраниваясь поудобнее перед телевизором. – Это мы, мужики,

вначале башку проломим, потом подумаем. А вот у них, гляди ж ты, – интуиция...»

Около двенадцати ночи в квартире Шестакова раздался телефонный звонок. Звонил радостный Мухин. Как всегда, он орал, как с другого края земли:

– Мишка, привет! Как дела?

– Средней хреновости, – прошипел Миша разбитыми губами.

– Приезжай скорей, мы тут с твоими бывшими коллегами пивка купили...

– Да иди ты со своим пивом... – У Шестакова не было сил, чтобы хорошенько послать Толика.

– Ты что – спишь уже? – От его довольного голоса, казалось, через трубку несло пивом и рыбой. – Ну, ладно, спи. Я только хотел сказать... Поставь кружку, это моя!!! – крикнул Мухин кому-то в сторону. Миша от злости чуть не швырнул трубку. – Короче, выяснил я, что ему примерещилось!

– Кому, черт тебя дерит?

– Ну, утром, забыл, что ли? Славке Постникову, машинисту!

– Ну? – Губы сильно саднило, а во рту, даже после полоскания, оставался противный вкус – как будто жуешь консервную банку.

– Великая сила искусства! Не поверишь! Мужика он увидел! С топором! Точно, как в фильме «Сибириада»! Помнишь? Ну, ладно, спи, не буду тебя отвлекать! Спокойной

ночи!

– Пошел ты... – любезно отозвался Шестаков.

Глава шестая

Саша

Попивая кислое литовское пиво, Саша мутно смотрел в окно. Поезд сильно раскачивало, локоть то и дело соскакивал со столика. «Как провожают пароходы, совсем не так, как поезда...» – назойливо вертелось в голове. Эх, давно уж все не так. И провожают теперь команду, как правило, в аэропорту, и встречают, как сейчас, с поезда. Раздолбанный за тридцать лет болтания по океанам «Забайкал-Кобылин» трусливо отсиживается в иностранных портах, на родину и нос не кажет. Знает, что если хоть раз появится – никто его уже никуда не выпустит. А в металлолом – кому охота? Эх, стыдно и говорить: как раз к трехсотой годовщине наш родной флот, похоже, решил окончить свое существование.

Саша смотрел в окно и пытался вызвать в памяти хотя бы детскую тоску по любимому городу. Какой-нибудь особо щемящий душу скверик? Или триста шесть мальчишеских шагов от дома до школы по дороге, где знакома каждая выбоинка (благо и асфальт там никогда не меняли)? Нет, не получается. Да и не надо, наверное, гнать тоску. Этот каменный оборотень все равно окажется страшней и красивей, чем ты его себе представляешь. А уж сейчас – когда каждый день что-то меняется... Сколько там перекопали-переименовали, продали и пропили в нашей суровой северной столице? При-

едем – узнаем.

Особый шарм предстоящей встрече прибавляло и не случайно выбранное место для randevу. В результате длительных прыжков и гримас родного пароходства команда прибывала в Питер из Румынии. А следовательно, на Варшавский вокзал.

Нет слов, очень приятно стало прилетать в город на Неве самолетом. Особенно в международный, «Пулково-П». Или морем – из Швеции или Германии, на пароме, – гордо профланировать по серым мраморным лестницам Морского вокзала, выйти к павильонам «ЛенЭкспо». А потом с ветерком – на авто по Большому проспекту Васильевского острова. Вполне по-европейски.

А вот если прибываешь на какой-нибудь пятьдесят-занюханый путь Варшавского вокзала, где и платформы-то человеческой нет, и дым отечества – сразу в нос, и люди – родные-родные, не очень бритые, с недельным перегаром и «беломориной» в зубах... Совсем другой коленкор.

Из соседнего купе неутомимая Лайма Вайкуле уже двадцатый раз сообщала о том, что «вышла на Пикадилли». Опухший стармех, лежа на верхней полке, немзыкально на-свистывал свою любимую, про «где-то далеко, очень далеко идут грибные дожди». И снова в тысячный раз Саша представлял сырой темный лес с бледными зарослями поганок.

До Питера оставалось часа полтора езды. «Дед» еще раз упомянул про «созрели вишни, наклонясь до земли», шумно

почесался и спросил в потолок:

– Вот кто угадает, чего я первым делом на берегу сделаю?

Формально говоря, команда находилась на берегу уже вторую неделю, но стармех под «берегом» имел в виду, конечно, дом. Особого интереса к действиям «деда» «на берегу» никто не выказал. И не странно. Тема «Кто что с кем где будут делать» была обсосана до белых косточек давным-давно. Тем не менее он продолжал:

– С шурином в баню пойду. У нас прямо напротив дома, на Гаванской, хоро-ошая банька. Веник возьму, эвкалиптовый, пивка «Балтика», «двоечку»...

– «Четверка» лучше, – лениво отозвался с нижней полки Володя-кок. – А я вот сразу дачей займусь. Фундамент там, забор... Эх, руки зудят – так попахать на фазенде охота!

– А я... – Начал известный бабник и раздолбай Сергеев, но его перебили хором:

– Знаем! Знаем! С порога – в койку!

В купе оживились. Саша с горечью понял, что ему-то сказать и нечего. Никаких особых планов «на берегу» у него не было. Просто устал и хочется отдохнуть. Вот если только...

– Чего молчишь, Самойлов? – Кок с любопытством приподнялся на локте. – Ты что будешь делать?

– А я в ресторан пойду! – злорадно ответил Саша. – От твоих «макарон с мусором» отдыхать буду!

– Ну-у... – разочарованно протянул Володя. – Удивил...

На самом деле, чем ближе к дому, тем больше мыслей кру-

жилось в голове. Год назад на вопрос «Что делать?» ответ был бы однозначный: прямо с порога, побросав вещи, захватить какую-нибудь особо милую безделушку – и на Каменноостровский, к бабушке. «Вот, – сказать, – это тебе сувенир с другого берега Атлантики!» И сидеть потом целый вечер пить чай, травить свои морские байки, вызывая искренний восторг и изумление... Да, на кладбище надо съездить. Там небось после зимы все повалилось. От этих дамочек – Ирки с матерью – фиг дождешься...

...А еще... еще... – уж самая сумасшедшая фантазия – иду это я по Петроградской, в плащике своем новом «Montana», ботиночках черных, надраенных... А навстречу – Света. Одна, без охраны мордovorотной... И говорит мне: «Здравствуй, Самойлов», по старой школьной привычке. И хорошо так на меня смотрит, сама не улыбается, а глаза смеются. А я отвечаю ей, небрежно так: «Привет, Светило! Пошли кофе пить?» – «Пошли», – говорит она. И под руку меня берет... Стоп, перебор, не берет, просто так, рядом идет...

Стоп, машины. Давление зашкаливает. Это ты себе за полгода маеты нафантазировал. На берегу все эти закидоны бы- быстро пройдут. Здесь по улицам девушки красивые просто так табунами ходят. А с тобой, морским волком, да в плащике «Montana», любая кофе пить побежит...

Еще из Румынии, как только узнал номер поезда и дату, Саша попросил мать по телефону:

– Позвони Дрягину и Шестакову! Слышишь? Пускай

встречать придут!

Мать все понимала по-своему:

– Хорошо, хорошо, позвоню! У тебя что, вещей много? Ты телевизор купил?

На платформе стояла шумная возбужденная толпа. Похоже, большинство встречающих начали отмечать приезд родственников загодя. Бросались в глаза хорошо одетые молодые женщины с жадными глазами – жены моряков. И даже из них сильно выделялись самые шумные и крикливо одетые – Сашина мать, сестра Ирка и какая-то смутно знакомая, сильно разрисованная фифа. Ни Дрягина, ни Шестакова не было. Впрочем, нет. Шестаков как раз наличествовал. Неловко скособочившись, он стоял немного в стороне, и его красное ухо светилось как праздничный первомайский флажок.

На Сашу тут же наскочили, начали тискать и обнимать, даже слегка обмочили слезами.

Все устроилось как нельзя лучше. Шустрая Ирка припахала своего нового хахалю, который приехал на вокзал на служебном микроавтобусе. Поместились все. Мамаша, правда, с подозрением покосилась на неровное Мишкино лицо, но Саша быстро отвлек ее, строго приказав:

– Следи за большой желтой коробкой! Там телевизор! Смотри, чтобы не разбился.

И смотрела. Глаз не спускала, смертельно бледнела, подпрыгивая на ухабах.

– А куда мы едем? – удивился Саша, когда микроавтобус на Обводном канале повернул направо.

– Как – куда? Домой, сыночек, куда же еще?

«Сыночком» мать его обычно называла в течение недели по возвращении из рейса.

– Неужели с вещами – в общежитие? Сейчас знаешь какое воровство кругом? А у нас и стол уже накрыт. Отдохнешь, помоешься... Машенька, подвинься к Сашеньке, а то тебе совсем ноги коробками задавили!

Раскрашенная фифа с удовольствием подвинулась. Вся она светилась от радости, не спуская с Саши загадочного взгляда. С Шестаковым во всей этой суете удалось лишь обменяться рукопожатием да парой дурацких фраз.

– Это тебя на работе так? – сочувственно кивая на Мишино разбитое лицо, спросил Саша.

– Нет, это у меня хобби такое – в дерьмо с разбега прыгать, – ответил Шестаков.

– А Валерка где?

– У домашнего очага. – Эту реплику Миша хотел, видно, сопроводить презрительной гримасой, но скривился от боли, поэтому в результате скроилась просто зверская рожа.

Ну, конечно, откуда знать Самойлову обо всех изменениях, произошедших в Питере за полгода? Это ж надо все постепенно, по порядку рассказывать. Шестаков махнул рукой: потом.

Жизнь сделала несколько семимильных шагов вперед,

оставив моряка Сашу, извините за неловкий каламбур, за бортом.

Больше всего происходящее вокруг напоминало Саше внезапное пробуждение от летаргического сна. Больной еще не очень уверенно ходит, удивленно озирается по сторонам, а вокруг все суетятся, разговаривают, что-то шумно рассказывают – короче, всеми силами тащат его обратно в реальную жизнь.

– ...представляешь? – Мать придвинулась к Саше теплым полным плечом. – Тетя Лена дом в Новгородской продала, хорошие деньги получила, но сколько – не говорит... Поплавский этот, сволочь недобитая, оттяпал-таки бабкину квартиру, два суда уже было, все проиграли, а пятьсот тысяч адвокату отдали, тоже гад такой, болтун... дядя Леша ногу сломал в двух местах, на даче в сортир провалился, говорили ему: дождись лета, там все доски давно прогнили, так не послушался, лежит теперь в гипсе, даже, говорят, хромать будет... Ленку твою, бывшую, с чучмеком каким-то видели, Серега говорит: араб, а я думаю: откуда у нее араб, небось азер обыкновенный... ты лучше на Машеньку внимание обрати, какая славная девушка! Она сейчас Ирочку на работу устраивает, в фирму, хорошая работа, с десяти до трех, а миллион в месяц платят... и работы всего – стол для сотрудников накрыть к обеду, а потом убрать, ну если пыль, там, тряпочкой смахнуть... Я бы и сама пошла, да мне до пенсии год остался, к тому же в фирму молоденькая нужна... денеж-

ки давай, я в сумку уберу, и документы тоже, а куртку ты зря такую светлую купил, маркая очень, а дорогая?..

Водитель, наверное, хотел доставить Саше удовольствие, поехал через центр. Московский, Загородный, Марата, Невский... Питер кривлялся за окном машины, похожий на дешевую проститутку: где-то вроде и подмазано французской косметикой, а где-то вроде и не очень вымыто...

К семи часам вечера, слушая неумолчную щебетню трех женщин и регулярно выходя покурить с Шестаковым, Саша уже знал в общих чертах все. И новые цены на электроэнергию, и про Чечню, и о новорожденном племяннике, и о «Выборгских крысоловах», Петуховой и Мухине, Матильде и СССР. Избыток информации сыграл с ним злую шутку. Гораздо больше, чем появление в метро загадочных крыс, его поразил тот факт, что «славная Машенька» оказалась его старинной знакомой, одноклассницей, и – более того! – чуть ли не первой любовью! Саша смотрел через стол уже немного осоловевшими глазами на ее лицо, некогда казавшееся самым красивым на свете, и пытался вспомнить, чем же закончился пятнадцать лет назад тот стандартный юношеский роман. Чего-то там кто-то насплетничал, кого-то били (меня или не меня?), письмо или записка какая-то фигурировала (точно, точно, долго еще потом в ящике стола валялась)... Ерунда, в общем, расстались, как люди... Да-а, время не красит... Лицо ее... Нет, не постарело, а – что самое поразит-

тельное! – совершенно не изменилось. Та же стрижка короткая, гладкие щеки, серые, чуть навывкате, глаза. Когда-то первой красавицей класса была. А вот потом, судя по всему, Машенька впала в огромное заблуждение. Вместо того чтобы органично и естественно из пятнадцатилетней красавицы превратиться в двадцатилетнюю и так далее, она решила остановить прекрасное мгновение. Не менялось выражение глаз, никуда не исчезала короткая челка, по-прежнему капризно надуваем губки. В результате перед Сашей сидела, кокетливо хлопая ресницами, довольно вульгарная дамочка без возраста. Ох, не подумайте чего плохого! Машенька была очень мила. Где нужно – молчала, смеялась вовремя и в меру громко, заботливо накладывала Саше салат и грибочки и даже однажды ласковым движением поправила ему воротник. У Самойлова потеплело в животе, и где-то в глубине души заворочалась, зашевелилась, поднимая голову, полузадохшаяся надежда, зашептала горячо: «Гляди не пропусти, может, и получится, найдешь ты свою половинку...»

Ну вот, и подарки все распакованы-рассмотрены, уж и водочка «Столичная» – теплая, а «горячее» – холодное. Сколько времени – понять невозможно. Все пересеченные за последние сутки часовые пояса, изрядно переложенные разнообразнейшим алкоголем, перемешались в Сашиной голове. Рядом сидел Мишка Шестаков с необычно тоскливыми глазами и объяснял что-то невразумительное про свою жизнь. Вот он замолчал, прислушиваясь к звяканью посуды и хло-

потливым женским голосам на кухне. Это, наверное, и дало толчок его мыслям. Он вдруг качнулся в Сашину сторону и заговорил ясно и горячо:

– Ни черта я в них не понимаю. Ни черта. А главное – не верю. Понимаешь, какая хреновина? Забуддону какому-нибудь, бомжу вшивому скорей поверю, а не им! – Голос его внезапно охрип. – Знаешь, какая она была? Сидит у окна, курит... в маечке такой, черной... у нее майка была любимая, шелковая... – Мишка пошевелил в воздухе пальцами, словно вспоминая ткань на ощупь. – А плечо – загорелое... веришь, у меня от одного этого плеча – мурашки по всему телу гуляли. Смотрю на нее – аж ком в горле... а она тут повернется, как скажет какую-нибудь гадость... и так ведь, стерва, умела поддеть... Я однажды чашку от злости разбил. Вот так, как сидел, пил чай, так с кипятком об стену и шваркнул... Или в субботу... Час перед зеркалом сидит, лицо себе блядское рисует... Потом сумочкой – дынц! Поцелуйчик – чмок! Дверью – шмяк! Духами потом час в квартире пахнет. И знаю ведь, знаю, что не к мужику, к подруге поехала, сучке этой крашеной. Поверишь? – по полу катался, кулаки до крови кусал... А потом брал бутылку водки и ехал на «Москву» к шлюхам знакомым...

Шестаков достал сигарету. Саша автоматически зажег ему спичку, даже не вспомнив, что мать категорически запрещает курить в комнате. Он уже догадался, что Мишка говорит о своей бывшей жене. Этот горький и честный монолог попал

в самую больную точку Сашиной души. Прав Мишка. «Не верю» и «не понимаю». Но, с другой стороны, на четвертом десятке хочется, – ведь хочется, да? – чтобы теплая ласковая рука вот так же поправляла тебе воротник, и чтоб рубашки в шкафу висели выглаженные женской рукой, и завязать наконец с пластилиновыми пельменями...

– Мальчики, вы чай... – весело чирикнула в дверях Ирка, но, наткнувшись на свинцовый взгляд Шестакова, поперхнулась вопросом и вышла.

– Ни хрена ты не понимаешь, морячок, – тяжелея словами, продолжал Миша. – Когда она от меня к Дрягину ушла, я ж тогда «макарова» взял... убивать ее поехал...

– Да ну? – обалдело выдохнул Саша. – А он?

– Он... Валерка как дверь открыл, сразу все понял... Достал свою такую же «пушку» и сказал спокойно: «Стреляться? Давай. Один – на кладбище, второго – в „Кресты“. Ни одна баба такого не стоит».

«Не стоит, не стоит...» – гулко застучало у Саши в голове. И сразу же, как наваждение, перед глазами появилось лицо Светы, там, в машине, давным-давно, рядом с тем страшным человеком. И как Саша влюбился тогда, за одну секунду, влюбился навсегда и насмерть, готов был раскидать охрану голыми руками, схватить Свету на руки и унести ее на край света... «Не стоит, не стоит...» – гремело все сильнее.

– А потом? – Саша тряхнул головой, отгоняя наваждение.

– Потом? Я домой поехал.

Шестаков замолчал. Ясно было, что больше он не скажет ни слова.

– Сыночек, – ласково пропела мамаша, – спать пора. Ложитесь, ребятки. Мишеньке я на раскладушке постелю. – Похоже, у нее был тщательно разработанный план ночевки. Саша бестолково толкался по квартире, пока мать с Ирккой мостили раскладушку в узком коридоре. Машенька смотрела влажными зовущими глазами. Увы. Внезапно ослабевший Шестаков, под шумок, как был, в брюках и свитере, занял почти весь Сашин диван и уже похрапывал. При этом носки он снял и аккуратно положил на телевизор.

«А ну вас всех!» – решил Саша и под осуждающими взглядами женщин, пихнув Шестакова в бок – подвинься! – улегся рядом.

Сон не шел. Несколько раз Саша проваливался ненадолго в безобразную кашу из лиц и фраз (откуда-то назойливо лезло: «Я вышла на Пикадилли...»), тут же просыпался в холодном поту, переворачивал горячую подушку, проклиная короткий диван и дрянную водку. Два раза еще вставал к окну покурить. Шестаков спал на спине, жутковато похлопывая сломанным носом. Эх, Мишка, Дрягина за предателя держишь, а сам по загорелому плечу тоскуешь... «Выборгские крысоловы», говоришь? Зуб даю, завтра же агитировать начнешь. Романтика, что ни говори... Да только не хочу я этого больше, хватит с меня космических приключений! В конце концов, мы свое дело сделали: и жжаргам накостыляли,

карлика Александра Иваныча на чистую воду вывели. Антонов уж полгода как в могиле лежит. Враг побит, господа. Так сказать, виктория. Все. Теперь буду собой заниматься. Так что, извини, Мишаня, даже не уговаривай.

Дав такой хоть и мысленный, но очень решительный ответ Шестакову, Саша тут же провалился в сон.

Это был удивительно четкий и простой кошмар. Равнина, серо-коричневая, с ошметками выгоревшей травы. Саша, одетый в какую-то нелепую хламиду. И ветер. Вначале – легчайшее, нежнейшее дуновение чуть взъерошило волосы на затылке. Потом посильнее – толкнуло в спину, рвануло край одежды. И тут же – вихрь, удар, свист, от которого заложило уши. Все вокруг заволокла мгла. Саша стоял, широко расставив ноги, спиной к ветру, понимая, что главное – не упасть. Упасть – значило умереть. Послышался треск разрываемой ткани – и вот уже разорванную в клочья хламиду унесло за горизонт. Станный зуд и жжение появились во всем теле. Саша поднес руку к лицу и увидел, как медленно и совершенно безболезненно сползает кожа с кисти. Обрывки мышц еще секунду болтались на ослепительно белых костях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.